

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМАНТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕМИКИ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031554
Трофанюк Нины Александровны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Алефиренко Н.Ф.

Рецензент
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
деловых коммуникаций
Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Глушкова В.Г.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	2
Глава 1. Проблемы сопоставления фразеологических единиц в близкородственных языках	7
1.1. Основные методы сопоставительного анализа фразеологических единиц в русском и украинском языках	7
1.2. «Языковая картина мира» и «Фразеологическая картина мира» двух близкородственных народов	15
1.3. Истоки фразеологии русского и украинского языков	23
Глава 2. Соотносительность фразеологических единиц русского и украинского языков	30
2.1. Соотносительность фразеологических единиц по семантическим изменениям входящих в них компонентов	30
2.2. Структурные соответствия русских и украинских фразеологических единиц	50
2.3. Проблема эквивалентности фразеологических единиц с экзотическим компонентом в двух языках	68
Заключение	79
Список использованной литературы	83
Приложение	95

ВВЕДЕНИЕ

«Фразеологизмы – своеобразный «чёрный ящик» историко-культурной и языковой информации. Поэтому за каждым из фразеологических выражений стоит история языка, культура, фольклор, литература. Тем самым фразеология становится памятью языка, храня давно изжившие из себя, но сыгравшие некогда важную роль, его элементы и свойства» [В. Мокиенко, Л. Степанова, 1995: 34].

Одной из самых главных задач, решением которой постоянно заняты преподаватели, переводчики и люди, употребляющие иностранный язык ежедневно, является проблема практики и перевода [В. Мокиенко, Л. Степанова, 1995: 51]. Поэтому правильное употребление фразеологии принадлежит, бесспорно, к самым главным лингвистическим вопросам.

Несмотря на обширную литературу по этому вопросу, все еще нет единого мнения при определении состава фразеологии и ее места в системе языка, четко не выработаны методы и приемы установления границ фразеологических единиц (ФЕ) и их стержневых слов. Не определены также единые принципы лексикографической обработки фразеологического материала – даже в однотипных словарях ФЕ характеризуются по-разному.

Между тем, сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и украинского языков имеет большое как теоретическое, так и практическое значение. Этим объясняется возрастающее внимание к вопросам культуры устной и письменной речи не только в среде филологов, но и в широких кругах общественности, к тому же, новыми программами по русскому и украинскому языкам предусматривается изучение вопросов фразеологии в школе.

Теоретическое осмысление русско-украинских фразеологических параллелей необходимо еще и потому, что носители этих близкородственных языков на территории Украины преимущественно двуязычны и легко допускают в речи различного рода нарушения в структурной и семантической организации ФЕ.

Кроме того, нельзя не отметить вклад в развитие фразеологии как науки таких русских и украинских учёных, как: Ф. Буслаев, Л. Булаховский,

Ф. Медведев, Г. Удовиченко, Ф. Янковский (исследования общеславянской фразеологии); И. Белодед, Н. Жовтобрюх, И. Чередниченко, А. Коваль, В. Коптилов, Л. Скрипник, В. Ужченко (разработка проблем фразеологии современного украинского литературного языка), Л. Ройзензон, Л. Авксентьев, Н. Алефиренко, Н. Бабич (анализ различных аспектов системных отношений компонентов фразеологических единиц русского и украинского языков), Ю. Авалиани, Н. Алексеенко, А. Архангельская, Б. Ажнюк, В. Гак, Н. Копиленко, Ж. Кулиш, А. Кунин, В. Милехина, С. Муница, Ю. Солодуб, Е. Солодуха (исследование различных аспектов межъязыковых отношений фразеологических единиц).

Современные фразеологические исследования охватывают широкий круг проблем, связанных с семантикой, структурой и составом фразеологизмов, особенностями и правилами их функционирования.

В последние два десятилетия также создано множество монографических очерков, направленных на сопоставительный анализ конкретных пар или групп языков.

Итак, **актуальность** выбранной нами темы исследования продиктована возросшим интересом современных отечественных и зарубежных лингвистов к проблемам фразеологии.

Основной элемент любого сопоставления – выявление тождественных (интегральных) и различительных (дифференциальных) признаков сравниваемых явлений.

Особенности выявления общих и специфических признаков соотносительных фразем двух языков тесно связаны с общностью и специфичностью языковой картины мира говорящих на этих языках народов.

Объектом исследования в данной работе являются фразеологические фонды украинского и русского языков. ФЕ в этих языках весьма многочисленны и разнообразны. Они являются важным средством создания колоритности, образности языка.

Предметом исследования являются фразеологизмы русского и украинского языков как единицы языка.

Материалом для анализа языковых единиц послужили фразеологические словари русского и украинского языков.

Цель данной работы: исследовать русские и украинские варианты фразем, выявить сходства и различия в языковой картине мира народов-соседей, определить количественные и качественные параметры сопоставления. Сопоставление даёт возможность более точно и рельефно охарактеризовать ФЕ обоих языков, установить их соотношение в межъязыковом плане и выделить основные тенденции развития фразеологических систем русского и украинского языков.

Для достижения поставленной цели сосредоточимся на следующих **задачах:**

1. Выделить отдельные семантические группы фразеологизмов.
2. Проанализировать фразеологические группы каждого из языков.
3. Установить соотнесённость в русской и украинской фраземике.
4. Выявить национальные особенности фразем.
5. Изучить специфику различных типов ФЕ.
6. Определить количественный и качественный объём безэквивалентной русской и украинской фразеологии.
7. Описать особенности (смысловые, символические, культурные) безэквивалентных ФЕ.
8. Выделить собственно русские, собственно украинские и общие для обоих языков ФЕ.

Для решения поставленных задач были выбраны следующие **методы:**

1. Этнолингвокультурологический метод исследования, предполагающий анализ языкового материала с привлечением сведений по истории, культуре, основам социальной организации данного этноса.
2. Синхронный метод (при сопоставлении различных реализаций значений фразем).
3. Метод компонентного анализа (используется для изучения структуры значения фразеологизмов).
4. Контрастивный, описательный, сопоставительно-типологический методы и

метод фразеологической аппликации (используются для выявления сходства и различия между фразеологическими системами русского и украинского языков).

Методика исследования:

1. Выборка фразем из русских и украинских фразеографических источников.
2. Классификация фразем русского и украинского языков по семантическим группам.
3. Определение их производящей базы.
4. Сопоставление образных основ отобранных фразеологических единиц.

Методологической основой является известный принцип диалектики – принцип системности, который определяет изучение фразеологии как динамической системы семантически, формально и функционально неоднородных единиц.

Методологической базой исследования служат базовые постулаты фразеологии (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырев, А. Вежбицкая, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангаккер, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. Ченки).

Теоретическим основанием работы являются исследования по общей фразеологии (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, З. Д. Попова и М. М. Копыленко, В. В. Виноградов, О. Есперсен, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, А. В. Жуков, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия).

Теоретическая значимость исследования связана с разработкой проблемы культурологического изучения фразеологической системы русского и украинского языков. Представлено сходство и различие русской и украинской картины мира на материале фраземики двух народов, что создает теоретические предпосылки дальнейшего изучения сходств и различий в языках.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в общей теории фразеологии, в сопоставительной фразеологии, в культурологии, в теории и практике перевода ФЕ, а также в практике составления двуязычных русско-украинских и украинско-русских

фразеологических словарей и справочных пособий.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней дано описание языковой картины мира России и Украины на материале фразеологии и представлены результаты сопоставительного анализа русского и украинского вариантов фразеологии.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены в докладах Международных научных и научно-практических конференций: «Areas of scientific thought – 2015/2016» (Sheffield, 2015 г.), «Язык и культура» (Новосибирск, 2016 г.), «Студенческий научный форум 2016», (Белгород, 2016 г.).

Глава 1. ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

1.1. Основные методы сопоставительного анализа фразеологических единиц в русском и украинском языках

Фразеологическая единица (ФЕ) есть, прежде всего, элемент фразеологической системы. Следовательно, для определения предмета исследования, т. е. для выявления принадлежности устойчивых сочетаний слов к фразеологии, прежде всего, обращаемся к методу фразеологического анализа и составляющим его методам фразеологической идентификации и фразеологического описания [Кунин А.В., 1970: 43].

Впервые предложенный в 1964 г. метод фразеологической идентификации уточнялся и совершенствовался по мере совершенствования методов лингвистического исследования и развития теории фразеологии [Кунин А.В., 1996: 67]. Метод фразеологической идентификации способствует не только выявлению фразеологичности того или иного сочетания слов, но и установлению таксономии ФЕ по уровню фразеологической абстракции [Кунин А.В., 1964: 96]. В след за А.В. Куниным полагаем, что основными показателями фразеологичности являются переосмысленность, раздельноформленность, структурная и семантическая устойчивость. В целях определения этих показателей в сопоставительном исследовании фразеологии используем ряд предусматриваемых методом фразеологической идентификации процедур, а именно:

1. Факт наличия переосмысления компонентного состава устанавливаем с помощью контекста и с помощью словарных дефиниций.

2. Семантическая устойчивость во фразеологических единицах, которая выражается в полном или частичном переосмыслении, устанавливается путем наложения значения ФЕ на буквальное значение ее компонентов.

3. При частичном переосмыслении значения ФЕ компонент с буквальным значением может входить в состав ее дефиниции:

4. В целях установления раздельноформленности устойчивых оборотов используем контекстный анализ грамматических изменений их компонентов,

т.к. установление цельнооформленности слов является доказательством раздельнооформленности устойчивых образований, в состав которых они входят:

5. Анализ соотнесенности фразеологизмов со знаменательными, служебными и др. словами, а также с переменными предложениями с учетом как различий между ними, так и их сходства, дает возможность выделить различные классы фразеологических единиц: субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные и другие фразеологизмы, а также цельнопредикативные или коммуникативные фразеологические единицы.

6. Посредством компонентного анализа фразеологизмов, основанного на учете их константности и вариантности, имеем возможность определять типы зависимости компонентов ФЕ: константная зависимость, константно-вариантная зависимость, константно-переменная зависимость, константно-вариантно-переменная зависимость, трансформационная зависимость. Этот метод позволяет выделить отдельные подвиды ФЕ, и, кроме того, описать лексическую и речевую связь между структурными звеньями лексического оборота.

7. С помощью грамматического анализа устанавливаем грамматическую структуру фразеологизмов, а также, при необходимости, их морфологические и синтаксические особенности.

8. При анализе фразеологического значения используем семный анализ, выделение степеней абстракции и анализ внутренней формы ФЕ [Мелерович А.М., 1979: 75]. Степени абстракции значения определяются в зависимости от характера абстрагирования от лексического и грамматического значения компонентов ФЕ, от прототипа ФЕ и значения ее синтаксической конструкции. Характер внутренней формы устанавливается с помощью процедуры сопоставления значения ФЕ с буквальным значением ее компонентов. Этот метод позволяет объяснить не только значение фразеологизма в речи, но и его происхождение.

9. Определяющим в описании фразеологии считаем системный подход. Здесь описательный процесс происходит в несколько этапов и дает более

детальное понятие не только о структуре ФЕ, но и о их сущности.

10. Метод поля в современной лингвистике, в зависимости от целей исследования, может быть реализован не только как лексическое поле, но и как поле понятийное, лексико-семантическое, функционально-семантическое, фразеосемантическое и др., где фразеосемантическое поле – «объединение фразеологических единиц, выступающих в общей номинативной функции».

Не вызывает сомнений специфичность фразеологических единиц в национально-культурном плане, как в интралингвистическом, так и в плане неповторимости отображаемых в ФЕ внеязыковых факторов - национальной культуры, национальной истории, национальной экономики, национального склада характера и прочего. Совершенно верно в связи с этим утверждение, что фразеология есть зеркало национальной культуры. Но фразеология - это к тому же и зеркало, отражающее особенности системной организации языка, его структуры. С другой стороны, само понятие структуры языка, его строя, определение его типологических характеристик должно включать в себя и данные его фразеологии. Теория фразеологии, в свою очередь, приобретет значительно более интегративный и законченный характер, если в большей степени будет оперировать понятиями и категориями общего языкознания и, в частности, лингвистической типологии.

Ставя задачи по изучению фразеологии двух славянских языков в русле сопоставительно-типологической проблематики, намеченной в статьях и книгах по фразеологии А.Д. Райхштейном и в трудах по сопоставительной типологии В.Д. Аракиным, отмечаем, в первую очередь, необходимость изучения изоморфных и алломорфных характеристик их фразеосистем. При этом считаем, что изоморфизм не следует понимать как наличие жестких однозначных отношений между языковыми подсистемами. В противном случае гипотеза о наличии изоморфных корреляций между структурно-семантическим моделированием фразеологии и другими подсистемами языка оказалась бы «тривиальной и не нуждалась бы в верификации» на конкретном языковом материале. Неадекватность абсолютизации изоморфизма подчеркивалась в трудах В.Н. Ярцевой [Ярцева В.Н., 1987: 12].

Исследуя фразеологию славянских языков, исходим из общепризнанного факта, что современные славянские языки представляют собой различные языковые типы с различной степенью аналитичности / синтетичности языкового строя. В полной мере это относится и к изучаемым нами языкам: русскому и украинскому, которые, будучи языками близкородственными, обладают качественно сопоставимыми системными организациями и, следовательно, образуют типологический ряд. Тот факт, что сопоставительно-типологическое исследование основано на анализе фразеологического материала двух близкородственных языков, находится в соответствии с общепринятым положением, утверждающим, что «конкретные типологические исследования строятся на материале достаточно ограниченного числа языков, составляющего типологический ряд» [Нерознак В.П., 1986: 67] фразеология лингвистический язык слово.

С другой стороны, довольно распространенным является мнение, что типология должна оперировать большим количеством типологически разнообразных языков для обоснования своих общих выводов, в то время как сопоставительно-контрастивная работа должна опираться на два сравниваемых языка, один из которых может быть опорным. Поддерживая мнение В.Н. Ярцевой, отметим, что различие между типологическими и сопоставительно-контрастивными работами лежит не в объеме взятого языкового материала, а в методике его анализа [Ярцева Н.В., 1981: 123].

Общеизвестным является и тот факт, что языки, подвергающиеся исследованию с позиций сопоставительной типологии, могут быть близкородственными. Как подчеркивает В.Н. Ярцева, для типологического анализа изучение группы родственных языков играет большую роль, причем не только широко распространенных, но и, в особенности, менее распространенных и менее изученных.

Что касается построения собственно фразеологической типологии, то в этом плане прогнозы лингвистов весьма сдержанны. Лишь для межъязыкового сопоставления наиболее значительными считаются такие параметры фразеологии, как «лексический и структурно-синтаксический аспект

фразеологии, ее семантическая организация, фразообразовательная характеристика» [Райхштейн А.Д., 1980: 46]. Необходим, естественно, предварительный этап накопления и инвентаризации фразеологического материала. Рассматривая тождественную задачу, относительно лексики, в плане общей типологии, американский лингвист Р. Уэллс отмечает, что научно обоснованные свойства языка могут быть представлены тремя видами:

- 1) количественными, так как они поддаются измерению, подсчету,
- 2) серийными, которые не поддаются измерению, но могут быть сгруппированы в серии определенных рангов,
- 3) качественными, которые могут быть классифицированы в терминах «часто встречающиеся» и «нечасто встречающиеся» [Wells R., 1954: 78].

Такая неоднородность наблюдаемых явлений и свойств в еще большей степени характерна для фразеологии, что находит отражение в использовании различных, подчас противоположных, методов типологического анализа.

Основным методом типологических исследований, вслед за В.Д. Аракиным, считаем сопоставительный метод, сущность которого заключается в отыскании и определении явлений и фактов ряда языков, имеющих тождественные функции, независимо от того, являются ли сопоставляемые языки генетически родственными или нет [Аракин В.Д., 1989: 95].

Сопоставительный метод дает возможность установить не только факты и явления, имеющие аналогичные функции в сопоставляемых языках, но и определить то место, которое они занимают в своей микросистеме. Сопоставительно-типологический метод по своим приемам мало отличается от сопоставительного, но он преследует более широкие цели. «Целью типологического описания языков мира, — как подчеркивает В.Н. Ярцева, — является выявление суммы сходных и различных черт, характеризующих их системы. Поэтому важным оказывается не только наличие в данном языке какого-либо приема или отношения, но и то место, которое занимает данный языковой факт в общей схеме распределения приемов и отношений, характерной для исследуемого языка» [Ярцева Н.В., 1967: 146]. То есть, в

отличие от сопоставительного, типологический метод имеет дело с сопоставлением и на основе сопоставления с выявлением изоморфных и алломорфных черт микросистем, подсистем и целых систем исследуемых языков. В свою очередь, определение изоморфных черт дает возможность установить и произвести отбор типологических констант, которые позволяют произвести группировку языков по принципу наличия/отсутствия данного типологического признака.

В связи с конкретными задачами исследования возникает проблема отбора типологических признаков. В этом вопросе еще нет полной ясности, договоренности и единства среди лингвистов. Каждый уровень языка, как известно, имеет свои характерные только для него единицы измерения. Поэтому и типологические признаки варьируются от одного уровня или подсистемы языка к другому.

Особенности приложения сопоставительного анализа к фразеологии определяются прежде всего генетической, структурной и функциональной вторичностью фразеологической системы и единиц, ее составляющих. Являясь языковыми знаками вторичной номинации, фразеологические единицы базируются на «иноуровневых» (по выражению А.Д. Райхштейна) средствах, в основном, лексических и грамматических, и строятся на них. Во фразеологии каждого языка в той или иной степени находят свое отражение и преломление основные, характерные, черты его других уровней. Способы и степень реализации этих черт во фразеологии обуславливают специфику фразеологических систем в разных языках. Принимая во внимание такие особенности сопоставительного анализа фразеологии, как а) опосредованность, б) многоплановость, в) аппроксимативность, в качестве типологических признаков фразеологии называем следующие:

- 1) структурная организация фразеологических единиц,
- 2) характер лексического состава фразеологических единиц,
- 3) характер морфологического оформления компонентов ФЕ,
- 4) тип зависимости компонентов фразеологических единиц,
- 5) степень устойчивости фразеологических единиц,

- б) корреляция семного состава компонента со значением фразеологических единиц,
- 7) тип смысловой модификации фразеологических единиц,
- 8) характер транспарентности внутренней формы ФЕ,
- 9) отношение фразеологической единицы к структурно-семантической моделированности,
- 10) уровень фразеологической абстракции.

Поскольку все «слишком универсальное» не дает возможности выявить характерологические (по терминологии В. Матезиуса) признаки языков, то мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой наибольший интерес для науки о языке представляют не всеобщие, абсолютные, а общие для той или иной группы языков (например, славянских) универсалии. При этом особое внимание обращаем на возможность формулирования импликаций, так как импликационные универсалии [Ярцева Н.В., 1976: 80] дают возможность установить некоторую сумму признаков, на основании которых можно будет установить типологическую принадлежность исследуемого языка.

В комплексе многообразных аспектов изучения европейской фразеологии историко-этимологические исследования до сих пор занимают весьма скромное место. Русистика здесь выгодно отличается от германистики, романистики и т.д., поскольку в последние 40 лет усилия некоторых фразеологов были сосредоточены именно на этой проблематике. Именно при анализе русского материала была создана последовательная и достаточно строгая методика историко-этимологического анализа фразеологических единиц, соизмеримая с младограмматическими и другими методами историко-этимологического анализа и лексикографического описания лексики и фразеологии.

В исследовании проблем славяно фразеологического взаимодействия инициатива принадлежит русистам. Кажется, однако, что для других славянских языков такие исследования имеют не меньшее значение, чем для русского как по результатам анализа конкретного фразеологического материала, так и по методологии его интерпретации.

Доминирование этнографических (нередко – «псевдоэтнографических»)

интерпретаций фразеологических единиц порождает до сих пор этимологическую «всеядность». Неслучайно поэтому самыми основательными по объему и материалу до сих пор в Европе остаются историко-этимологические словари пословиц и поговорок, созданные именно этнографами, а не лингвистами. Всё больше фразеологов осознаёт необходимость взвешенной оценки соотношения собственно лингвистического и экстралингвистического аспектов.

Именно такое толкование подтверждают многочисленные славянские соответствия фразеологизма *вешать нос*, показывающие его первичность по отношению к шутивому варианту *вешать нос на квинту*: укр. *вішати (хнюпити) носа (ніс)* и др. Ср. также антонимы этого фразеологического ряда – *поднимать (задирать) нос*, известные многим языкам. Учитывая этот языковой материал, показывающий, что ареал двучленного сочетания *вешать нос* намного шире эксплицитного *вешать нос на квинту*, легко сделать вывод о вторичности последнего.

Примеры закрепления литературным языком эксплицитированных вариантов фразеологизмов довольно многочисленны. Такие примеры показывают, что рассмотренный вид эксплицитирования не только индивидуально-авторский прием преобразования фразеологических сочетаний или речевое средство их обновления, но и один из активнейших способов фразеологического словообразования, отражающийся в языке.

1.2. «Языковая картина мира» и «Фразеологическая картина мира» двух близкородственных народов

Национально-языковая картина мира в той или иной степени «спроецирована» на все уровни языковой системы, однако именно во фразеологии она проявляется наиболее ярко и самобытно. Не случайно за фразеологией закрепились такие ее образные характеристики, как «душа языка», «память языка», «языковой музей названий, реалий и образов».

Понятие языковой картины мира (ЯКМ) восходит, с одной стороны, к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, а с другой стороны — к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Понятие «языковая картина мира» было введено в научную терминологическую систему Л. Вайсгербером [Вайсберг Л., 1993: 234].

По мнению В. А. Масловой: «Языковая картина мира — это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова В.А., 1999: 114].

По словам Н. Ф. Алефиренко, «языковая картина мира» есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности [Алефиренко Н.Ф., 2009: 102]. Результатом отражения объективного мира языковым сознанием отдельного человека является индивидуальная национальная картина мира. Одной из важнейших функций языка является фиксация опыта познания мира в ходе культурно-исторического развития народов, носителей языков. «Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает её из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную, чтобы не сказать решающую, роль в

формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации» [Алефиренко Н.Ф., 2009: 122].

Характерным признаком современных исследований является изучение языка в тесной связи с человеческим мышлением и сознанием. При таком подходе большой интерес представляет изучение фразеологических единиц. Сами фразеологизмы могут, по утверждению В. Н. Телии, «выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения, или указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые экспоненты (носители) культурных знаков» [Телия В.Н., 1996: 203].

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Алефиренко Н.Ф., 2008: 48-52]. Фразеологический фонд русского и украинского языков давно привлекал внимание учёных: работы А. М. Бабкина, Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградова, А. В. Жукова, Молоткова, С. Г. Ожегова, Ю.П. Солодуба, В. Н. Телии, Н.М. Шанского, А. А. Потебни, Б. А. Ларина, В.Л. Архангельского, А.И. Фёдорова, Л. И. Ройзензона, В. М. Мокиенко, Н.Н. Амосовой, Н.Ф. Алефиренко, Д. И. Добровольского, М. М. Копыленко, Г.В. Колшанского, З. Д. Поповой, В. И. Красных, А. М. Эмировой, Ю.Ф. Прадида, Е.А. Селивановой и др. Современные работы по фразеологии, в отличие от работ 60-80-х годов, основываются на лингвокогнитологическом подходе. Как известно, в древности человек соизмерял окружающий мир с частями своего тела. Используя названия частей тела в переносном значении, люди более полно передают свои мысли и чувства, поэтому названия частей тела являются важным объектом исследования современной лингвистики.

Впервые в лингвистический обиход термин «соматический» был введён в финно-угроведении Ф. Вакком [Вакк Ф.О., 1968: 23], который, рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в составе слова названия частей человеческого тела, назвал соматическими. Характерной чертой соматической фразеологии является наличие в языках многочисленных аналогов, очень близких по образной направленности словосочетаний. Эта особенность резко

отличает соматические фразеологизмы от других тематических групп единиц фразеологизмов.

Термин «соматический фразеологизм» в применении к материалу русского языка впервые употребляет Э. М. Мордкович в статье «Семантико-синтаксические группы соматических фразеологизмов» [Мордкович Э.М., 1971: 244]. Причиной постоянного внимания к соматизмам является тот факт, что процесс осознания себя среди окружающей действительности и определение себя как личности человек начал из ощущений, возникающих непосредственно через органы чувств и частей собственного тела. Человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, такие же древние, как и само человеческое сознание. С помощью этих «инструментов» познания человек начал ориентироваться в пространстве и во времени, выражая свое отношение к миру. Эталонном пространственной ориентации человека есть анатомическая ориентация его тела: передняя часть – та, где расположены его органы чувств, органы зрения, задняя сторона – сторона спины, отражающая структурный симметризм человеческого тела. А. М. Эмирова выразилась по этому поводу так: «Само человеческое тело является наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека с первых его жизненных шагов. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего человеку «удобнее» соотносить, прежде всего, с частями своего тела» [Эмирова А.М., 1972: 22].

Возросший в последние годы интерес к проблемам взаимосвязи языка и культуры, языка и этноса способствовал активизации исследований, посвященных языковой картине мира, а также фразеологической картине мира как составной части языковой картины мира. Языковая картина мира есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности. В лингвистике концепцию картины мира и способа видения мира разрабатывал В. фон Гумбольдт относительно учения о «внутренней форме» и «духе народа». По мнению В. Манакина, «положения В. Фон Гумбольдта звучат особенно актуально в наше время, когда происходит

возрождение и обновление национального духовного богатства народов, неотъемлемую и значительную часть которого составляет их язык» [Манакин В.Н., 2004: 246].

Фразеологическая картина мира – это один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности. Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Ярким примером этому служат работы В.Н. Телия «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» (1996), В. А. Масловой «Лингвокультурология» (2001), Т. И. Вендиной «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования» (1998), коллективная монография о человеческом факторе в языке «Язык и картина мира» (1988), а также исследования Е. М.Верещагина (1982; 1990), В. М. Мокиенко (1986; 1989), В.В. Морковкина (1970), Ю. П. Солодуба (1985; 1990), Э. М. Солодухи (1982; 1989), Р. Х. Хайруллиной (1999; 2000) и др.

На наш взгляд, существование фразеологической картины мира логично, так как под ней подразумевается картина мира, выраженная фразеологическими средствами языка. Фразеологизмы наиболее ярко отражают мировидение и миропонимания носителей данного языка, их культуру. Во фразеологической картине мира содержатся знания человека о мире, его представления о мироустройстве. Особенность таких знаний состоит в том, что они представляют собой не просто аккумулированные знания, а скорее результат их образного переосмысления. По мнению Ю. Д. Апресяна [Апресян Д.Ю., 1995: 35], языковая картина мира, создаваемая фразеологизмами, антропоцентрическая, это выражается в её ориентации на человека, т.е. человек выступает в качестве меры всех вещей. Значение целого ряда базовых слов и фразеологизмов сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира: *голова колонны, горлышко бутылки, ножка стола, прибрать к рукам, палец о палец не ударить, на каждом шагу и др.*

Поэтому внимание к проблемам национального самосознания и самовыражения, соотношения языка и духовной культуры, необходимость

поиска новых подходов к изучению фразеологии как сокровищницы спектра национальных коннотаций осуществляется с помощью семантического анализа соматических фразеологизмов русского и украинского языков, исследования отражений идиоэтнических черт языковой картины мира обоих языков.

Традиционно все соматизмы русского и украинского языков делятся на четыре тематические группы с общим значением: голова, туловище, верхние конечности, нижние конечности. Так, в тематическую группу с общим значением «голова» входят голова, ум, лицо, волосы, нос, язык, зубы, губы, рот, горло, голос, брови, глаза, уши, мозг; в тематическую группу с общим значением «туловище» входят спина, сердце, грудь, печень, живот, кишки, шея, душа; в тематическую группу с общим значением «рука» входят рука, плечо, локоть, кулак, пальцы, жилы; в тематическую группу с общим значением «нога» входит нога, жилы.

Активными во фразеобразовании русского и украинского языков проявляют себя соматизмы, связанные с восприятием мира, его познанием и изменением, вызывающие ассоциации с жизнью, чувствами, физическим и умственным трудом, характером человека. Больше всего фразеологизмов среди русских и украинских выделено с компонентом «глаз» (102 единицы). Как русский, так и украинский языки точно отмечают необычную способность глаз – их зрачки находятся в движении, отсюда сочетаемость большого круга глаголов движения со словом «глаза»: русск. *бросить взгляд* – укр. *кинути погляд*, русск. *смотреть трезвыми глазами* – укр. *дивитись тверезими очима*. Глаза – это орган-инструмент, орган «смотрения». Поскольку 80 % информации о мире приходит через глаза, они считаются важнейшим из органов, в русской и украинской картинах мира им приписывается таинственная магическая сила. Солнце и луна в мифологиях многих народов считались глазами могущественного божества. Такие результаты могут говорить о том, что для русской и украинской языковых картин мира характерно описание субъекта прежде всего через зрительную оценку. Значительное количество также отмечается со словами голова (русские фразеологические единицы – 36; украинские – 36), рука (русские фразеологические единицы – 40; украинские –

40); нога (русские фразеологические единицы – 25; украинские – 25); сердце (русские фразеологические единицы – 22; украинские – 22), что объясняется не только многозначностью этих лексем, но и тем, что в фольклорных традициях народов и в национальной лингвистической традиции с ними связано множество символов, означающих как определённые понятия и состояния, так и выражение конкретных эмоций.

Человек всегда даёт характеристику объектам действительности, всегда оценивает их. Важно отметить, что при распределении соматических фразеологизмов на те, которые выражают негативную оценку, и те, которые выражают положительную, мы пришли к тому, что количество соматических фразеологических единиц с негативной оценкой превышает количество фразеологических единиц с положительной оценкой как в русском, так и в украинском языках. Почти все русские и украинские фразеологизмы с компонентом «нога» имеют негативную окраску. Это можно объяснить тем, что ноги у язычников-славян считались принадлежностью демонов: русск. *сам черт ногу сломит* (о захлавленном месте) – укр. [*Сам*] *чорт спіткнеться (ногу зламає) на чому, де*; русск. *встать с левой ноги* (иметь плохое настроение) – укр. *встати лівою ногою (на ліву ногу)*.

Большое количество соматических фразеологизмов с негативной оценкой среди проанализированных единиц свидетельствует о склонности русских и украинцев обращать внимание на недостатки. Возможно, это подсознательная попытка социумов к усовершенствованию с помощью критики и иронии. Фразеологизмы в данном случае выполняют некую воспитательную функцию. Отклонение от нормы в положительную сторону не вызывают такой острой реакции и не провоцирует на возникновение такого количества фразеологизмов как негативные отклонения.

Также мы выделили двенадцать лексико-тематических групп соматических фразеологизмов сопоставляемых языков:

1. Ум/глупость (*ясная (светлая) голова; ясна голова*).
2. Характер человека (*горячая голова; гаряча голова*).
3. Физическое состояние человека (*валиться (падать) с ног; валитися з ніг*).

4. Чувство-состояние (*волосы дыбом встали; волосся дибки стали*).
5. Чувство-отношение (*скалить зубы; гострити зуби*).
6. Умственная деятельность (*голова варит; голова варить*).
7. Портрет (*орлиный нос; орлиний ніс*).
8. Действия и поступки человека (*выбивать почву из-под ног; кидати до ніг*).
9. Социальное положение (*стоять во главе; стояти на чолі*).
10. Степень удалённости от объекта (*нос к носу; носом до носа*).
11. Физическое свойство чего-либо (выделена только среди русских и украинских ФЕ (*жизнь на волоске; життя на волоску*)).
12. Вместительность чего-либо (*до седых волос; до коренів волосся – вместительность силы, опыта*).

Следует отметить, что такое тематическое разнообразие свидетельствует, о том, что во фразеологической картине мира представленной соматическими фразеологическими единицами отражены практически все стороны человеческой жизни.

Анализ показал, что русские и украинские фразеологизмы соотносятся как фразеологические кальки, фразеологические синонимы и единицы, разные по значению и по форме. Весомую группу в них составляют межъязыковые фразеологические кальки или выражения, близкие к калькам, т.е. единицы украинского и русского языков, совпадающие и по форме, и по значению. Например, полностью совпадают 295 (85%) русско-украинских единиц: укр. *золоті руки* / русск. *золотые руки*; укр. *крутити носом* / русск. *крутить носом*; Близкие по значению в украинском и русском языках фразеологические единицы – 83 (18%): русск. *искры из глаз посыпались* / укр. *іскри з очей полетіли*. Количественно небольшую группу составляют единицы украинского и русского языков, разные по значению и по форме. Например, 22 (6 %) русские и украинские единиц: укр. *щиро кажучи* / русск. *положа руку на сердце*; укр. *бісики пускати* / русск. *строить глазки*.

Таким образом, проведённый комплексный лексико-семантический анализ соматизмов русского и украинского языков с учётом межъязыковой эквивалентности позволил выявить степень близости восприятия двумя

славянскими народами исследованных реалий (полностью совпадают в двух языках 85% русско-украинских фразеологических единиц; близкие по значению фразеологизмы – 18%; не совпадающие ни по форме, ни по значению лишь 6% русско-украинских фразеологических единиц. Мы можем говорить об общности восприятия мира славянскими народами-соседями.

1.3. Истоки фразеологии русского и украинского языков

В системе любого языка фразеологизмы выступают в роли экспонентов культурных знаков, не только синхронно включаясь в действующую систему культурно-национального понимания, но и транслируя ее фрагменты из поколения в поколение, участвуя тем самым в формировании миропонимания как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива. В истоках каждого фразеологизма лежит конкретный факт, закодированный в его образной основе (внутренней форме), давший начало словосочетания и творческий акт, связывающий данное словосочетание с актуализированным значением. Именно внутренняя форма осуществляет связь свободного словосочетания и преобразованного значения. Она показывает, «как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня А.А., 1989: 98].

Изучение образной основы позволяет увидеть взгляд народа на окружающий мир. Внутренняя форма фразеологических единиц (далее ФЕ) определяет национально-культурную специфику устойчивого словесного комплекса, его культурные коннотации, национально-культурный параметр. Образ словосочетания построен не на квазивизуальных представлениях, а на конкретных знаниях и опыте. Культурный компонент – часть семантики устойчивой языковой единицы. Культурный компонент – знак несущий и передающий некоторую информацию. «Знаки культуры несут какое-то содержание, информацию, которой носители этой культуры располагают о себе и мире. Совокупность этой информации составляет содержание культуры» [Юдин А.В., 1999: 7-8]. Например, значение «высокий рост» выражают русские ФЕ *коломенская верста* и *пожарная каланча*. Исходный образ ФЕ *коломенская верста* связан с историческим фактом об установке «коломенских верст» - высоких столбов, а образная основа данной ФЕ – «сравнение человека с высоким верстовым столбом, таким, какие были установлены по указу царя Алексея Михайловича по дороге из Москвы до села Коломенское» [Словарь русской фразеологии, 1998: 76], ФЕ *пожарная каланча* связана с представлением о пожарном строении, которое было прежде самым высоким строением в городе

Идиоматика любого языка обладает как бы двойной индивидуальностью. Она индивидуальна как явление современного литературного языка, ибо каждый оборот является самостоятельным осколком некогда активной речевой модели, со временем утратившей актуальность. Она индивидуальна и как отражение каких-либо национальных реалий, составлявших в свое время самобытность культуры того или иного народа.

Образы преобладающего числа фразеологизмов восходят к универсальным явлениям природы и человеческой жизни и строятся на переосмыслении. «Познание человеком действительности имеет интернациональный характер, в котором нет каких-либо национальных ограничений» [Алефиренко Н.Ф., 2008: 74]. Это дает возможность подбирать соответствия (а не перевод) в разных языках. Например, *водой не разольёшь* (кого) – «о тесной дружбе между кем-либо» и др. Редко встречаются устойчивые выражения, которым нельзя подобрать соответствия в другом языке, а нужен перевод, дополнительные объяснения и замечания. Например, ФЕ *что русскому хорошо, то немцу смерть* (выражение может относиться к погоде, еде, выпивке и т.п. разных народов). Национальные культуры своеобразны, отделены, не похожи одна на другую, есть разное восприятие у разных народов. Поведение представителей одной культуры соответствует определенным стереотипам, что закодировано в образных основах ФЕ.

Образ устойчивой единицы построен на конкретном опыте этноса и связан как с окружающей жизненной средой, так и с «повседневным мышлением» носителей языка. Способ представления значения, мотивированности сочетаний также указывает на культурный элемент и связан со специфическим видением картины мира носителями языка. Например, значение «наказать» выражается русской ФЕ *дать по шапке* – «помочь кому-либо разобраться (в чем-либо)». *Шапка* для русских важная и нужная часть одежды, что продиктовано климатом России. Подобная семантическая мотивированность широко представлена в языке метафорическими и метонимическими переносами. Символьные значения также оказывают влияние на образ ФЕ и оформление актуального значения. Например, *воробей* как символ всего

незначительного и мелкого объективируется во ФЕ русского языка: *воробьиная ночь, короче воробьиного носа, с воробьиный нос, стрелять из пушки по воробью/по воробьям.*

Фразеологизм *набрать воды в рот* – «хранить упорное молчание»; *как с гуся вода* – «1. кому совершенно безразлично, никак не действует на кого-либо, 2. с кого легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т.п. что-либо кем-либо» и др. Национально-культурные параметры касаются всех сфер материальной и духовной жизни народов, однако в образной основе устойчивых единиц остались следы из жизни народов, которые имели важное значение для людей, отличались яркими качествами, потреблялись часто в быту конкретного этноса и т.п., либо ситуация, в которой появилось исходное выражение, оказалась решающей для его закрепления (например, ФЕ *подпоручик (поручик) Кижэ* [Словарь русской фразеологии, 1998: 455].

Специфика представлений образа сказывается не только на образной основе, но и на языковой сочитаемости, на синтаксической конструкции (модели), на базе которой происходит интеграция значений компонента фразеологизма. Все словосочетания в данном языке порождаются по определенно заданной схеме. Их образная основа и значение тесно связаны с внеязыковыми факторами, его сопровождающими, а структура всего высказывания зависит от той конкретной ситуации, в которой она порождается. И здесь прежде всего следует иметь в виду возможность различной принципиальной стратегии порождения высказывания, связанной с особенностями языка [Леонтьев А.Н., 1993: 16-21]. Например, для русского языка характерны модели ФЕ с предлогами, которые нормативно потребляются с соответствующими падежами, например, модель с предлогом *с* служит для обозначения больших или малых размеров, а также большого или небольшого количества чего-либо, указание на рост [Мокиенко В.М., 1990: 74]: *мужичок с ноготок, с мизинец, мальчик с пальчик, с булавочную головку, с гулькин нос* и т.п.; с предлогом *в*: *играть в бирюльки; играть в молчанку, играть в кошки-мышки, играть в струны души* и т.п.; с предлогом *под*: *разделать под орех* и др.

Образные основы ФЕ закодировали культурные факты связанные с жизнью народов. Изучение этимона устойчивой языковой единицы позволяет вскрыть ход познавательной мысли этноса и оценить философию трансформации, заданную этим импульсом. Исследование фразеологических фондов разных языков подтверждают факт, что различные языки различаются не только грамматической структурой, но и соотношением языковой структуры и ее конкретной реализации в контакте и ситуации. «Основной целью контрактивного направления является выявление национально-культурной специфики фразеологизмов того или иного языка, извлекаемой на фоне «наивной» картины мира, в сотворении характерных черт которой они участвуют» [Телия Н.В., 1995: 15]. Дальнейшая задача исследователей фразеологии заключается в контрастивном сравнении образных основ ФЕ и выявлении конкретных фактов для каждого языка и этноса, и описание специфики национальных образов, носителей конкретных языков.

Исследуя фразеологизм как структурную единицу лексико-семантической системы языка, нельзя обойти стороной вопрос о происхождении этой единицы.

Работой по изучению источников ФЕ занимались такие ученые как А.И. Власенков, Н. Ф. Алефиренко, А. А. Гируцкий.

А. И. Власенков предлагает делить фразеологизмы в зависимости от их происхождения на несколько групп: исконно русские, заимствованные и славянского происхождения [Власенков А.И., 2004: 48]. Н. Ф. Алефиренко говорит о том, что «по происхождению ФЕ делятся обычно на две группы - исконно существующие в данном языке и заимствованные [Алефиренко Н.Ф., 2004: 264].

К фразеологизмам с исконно русским происхождением, по мнению Н.Ф. Алефиренко, относятся:

- 1) разговорно-обиходного происхождения, составляющие ядро фразеологического состава языка: *засучив рукава, на босу ногу;*
- 2) пословично-поговорочного происхождения: *старый воробей;*
- 3) возникшие в профессиональной и жаргонной речи: *заложить*

фундамент, карта бита;

4) книжного происхождения: *а воз и ныне там;*

5) связанные с историческими событиями, традициями и обычаями народа: *как Мамай прошел, пропал как швед под Полтавой* [Алефиренко Н.Ф., 2004: 264].

Фразеологизмы с исконно русским происхождением, по мнению А.И. Власенкова, возникают:

1) из оборотов разговорно-бытовой речи: *из огня да в полымя, с гулькин нос, во всю ивановскую;*

2) из пословиц, поговорок, крылатых слов и устойчивых сочетаний из русского фольклора: *красная девица, добрый молодец, чистое поле;*

3) от отдельных выражений профессиональной речи: *через час по чайной ложке; без сучка, без задоринки; тянуть ляжку;*

4) выражения из книжного языка: *Свежо предание, а верится с трудом* [Власенков А.И., 2004: 48].

Н. Ф. Алефиренко указывает также и на возникновение фразеологизмов из жаргонной речи и их появление, связанное с историческими событиями, традициями и обычаями народа.

Фразеологизмы, заимствованные из других языков, по мнению А.И. Власенкова, являются

1) дословным переводом иноязычных пословиц, поговорок: *с высоты птичьего полета, веселая мина при плохой игре, о вкусах не спорят;*

2) выражениями и цитатами из литературных произведений, изречений, афоризмов: *узы Гиминя; игра не стоит свеч; золотая середина;*

3) выражениями, употребляющимися без перевода: *постфактум, нотабене, terra incognita* [Власенков А.И., 2004: 48].

Н. Ф. Алефиренко источниками возникновения фразеологизмов иноязычного происхождения считает:

1) Священное писание: *вавилонское столпотворение, волк в овечьей шкуре;*

2) античную культуру и мифологию: *тroyанский конь;*

3) произведения иноязычных авторов: *авгиевы конюшни, ахиллесова пята;*

4) цитаты, употребляемые без перевода: *Finita la commedia* - представление окончено) [Алефиренко Н.Ф., 2004: 265].

Гируцкий А. А. приводит следующие источники возникновения ФЕ. «Одним из источников фразеологии является фольклор: русск. *мели, Емеля, твоя неделя*; укр. *не до жиру, будь би живу*». «Важным источником пополнения фразеологии является профессиональная речь представителей различных профессий, жаргоны: *тянуть лямку* – из речи бурлаков, *тянуть канитель* – из речи мастеров золотых нитей» и т. д. [Гируцкий А.А., 2003: 170]. К ним также примыкают переосмысленные составные термины наук и производств: *отрицательная величина, центр тяжести* [Гируцкий А.А., 2003: 170]. В качестве источников пополнения фразеологического запаса языка А. А. Гируцкий называет также крылатые выражения, восходящие к тексту Библии, то есть библеизмы (*вавилонское столпотворение, блудный сын, суета сует*), цитаты из мировой литературы (*между Сциллой и Харибдой*), русские кальки [Гируцкий А.А., 2003: 170].

Именно во фразеологизмах ярче отражены своеобразие и специфика культуры. Они отображают русскую и украинскую культуру своими прототипами (омонимичными свободными сочетаниями), а также отдельными единицами своего состава. Целая группа ФЕ может рассказать о традициях народов России и Украины (укр. *триматися хати; класти зуби на мисник* / русск. *класть зубы на полку*; укр. *потрапити як полоник між ложками; бути під чоботом* / русск. *быть под сапогом*); религиозные верования (укр. *як Бог дасть* / русск. *как Бог даст*; укр. *Господи благослови; Господь з тобою* / русск. *Господь с тобой*; укр. *грішна вода; довести до гріха* / русск. *довести до греха*; укр. *вода не освятиться; підвести під монастир* / русск. *подвести под монастырь*); явления прошлого и настоящего, которые не всегда имеют аналоги в зарубежных национальных культурах (укр. *дурне сало без хліба; дати гарбуза; казка про білого бичка* / русск. *сказка про белого бычка*; укр. *взяти рушники; вискочити як козак з маку; сам собі пан* / русск. *сам себе хозяин*).

Фраземика русского и украинского языков отображает то общее для двух

народов мировосприятие, которое представляет собой не только образную картину мира, но и своеобразный свод законов жизни, дающий оценку поступкам людей в наиболее распространенных жизненных ситуациях. В ней отразился характер жителей России и Украины, их сокровенные мысли и чувства.

Также часть фразем, восходящая к древнейшим архетипам, не всегда получает в другом языке идиому той же образной структуры. Это касается, в частности, фиксированных выражений, отражающих суеверия, верования. Так, русская фразема *очертя голову* («безрассудно, не думая о последствиях») связанная с обычаем обводить, очерчивать себя или кого-либо кругом с целью ограждения от нечисти, получает в украинском параллель иной внутренней формы – *на відчай душі*.

Расхождения внутренней формы фраземы в двух языках, обусловленные различиями в народных обычаях, обрядах, представлениях, материальной культуре и т. д., нередко обусловлены особой для каждого народа картиной мира, определяемой культурной моделью, существующей в национальной традиции, и её языковой проекцией.. Ср. русск. *ободрать как липку* – «ограбить, обобрать – от обдирания коры с лип для лыка; укр. *на рушник (рушники) стати, рушники пов'язати* — «жениться»; укр. *колодки в'язати* – «своевременно не жениться» - от обычая привязывать какой-либо предмет юноше и девушке (или связывать их самих), как наказание за то, что вовремя не женились. Русск. *перемывать косточки* «сплетничать, судачить, злословить о ком-либо» восходит к славянскому обряду вторичного захоронения; укр. *перемивати кісточки*.

Глава 2. СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

2.1. Соотносительность фразеологических единиц по семантическим изменениям входящих в них компонентов

Любой язык – весьма разнообразный сплав своего и чужого, исконного и заимствованного, глубинно народного и «поверхностно» книжного. В разные периоды истории литературного языка реакция на эти разные стихии была иной – от всеядного приятия «чужого» до чопорно-пуристического отстаивания «своего». В языке, как и вообще в культуре того или иного народа, довольно трудно провести четкую границу между своим и не своим. Собственно говоря, не существует какой-то яркой и уникальной приметы, по которой национальное можно сразу же и безошибочно отделить от интернационального. И тем не менее национальное существует. «Национальные особенности – достоверный факт, — подчеркивает академик Д.С. Лихачев. — Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности – значит делать мир народов очень скучным и серым» [Лихачев Д.С., 1981: 64].

Кристаллами, из которых складывается «неповторимое строение» национальной речи, давно уже считают и фразеологизмы. Б.А. Ларин в своем неопубликованном докладе «О втором «Древнерусском словаре», прочитанном 8 марта 1961 г. на Межкафедральном словарном кабинете Ленинградского университета, назвал эти единицы «сгустками и самородками народной мысли, опытом мудрейших, самоцветами слова безвестных и тем не менее чудо умельцев, гениев русского языка». В этой характеристике подчеркнута и естественность, «самородность» речевой среды, в которой кристаллизируются фразеологические самоцветы.

К такому же выводу приходят все, кто долго и глубоко изучал образные обороты. Английский лингвист Логан Смит, например, оценивая долю

национального в английской идиоматике, указывает тот же источник – народную речь: «Хотя наши идиомы включают... много выражений, взятых из народной речи других европейских стран, все же по своему характеру, юмору, по своим образам и ассоциациям они (английские идиомы) являются глубоко национальными, передающими запах почвы, на которой они выросли, простор полей и пастбищ и дыхание деревень, откуда берут свое начало все формы национального языка и национального искусства и куда для пополнения своих жизненных сил они должны вновь и вновь обращаться» [Смит Л., 1959: 173]. Именно «дыхание деревень» создает национальное своеобразие «печек-лавочек» каждого языка. По такому дыханию мы и узнаем «дух народа», меру его духовности.

Фразеология – сокровищница языка, хранящая древнейшие слова, отжившие свой век грамматические формы и забракованные временем и литературной нормой синтаксические конструкции. Консервируя форму, она консервирует и содержание – национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира. Вот почему новое направление современной русистики – лингвострановедение, ставящее целью при обучении языку дать всестороннее представление и о культуре [Верещагин В.М., Костомаров В.Г., 1983: 303], взяло фразеологию на вооружение. Более того: в лингвострановедческом отношении лишь три языковые единицы – слово, фразеологизм и афоризм – обладают «способностью к накоплению внеязыковой информации», ибо именно в их семантике «может вычленяться область, называемая фоном» [Верещагин В.М., Костомаров В.Г., 1980: 38].

Значение «выпить натошак спиртного» делает связь оборота *заморить червячка* с умерщвлением паразитов в кишечнике более правдоподобной. Шутливый образ этого оборота в таком случае приобретает реальную двуплановость: это и медицинское применение спирта, дезинфицирующего кишечник и якобы тем самым убивающее глистов, и в то же время – иносказание о потреблении алкоголя натошак.

Признание такой исходной мотивировки фразеологизма *заморить червячка*, как видим, требует в первую очередь аргументации большей

древности значения «выпить спиртного натошак» по сравнению со значением «перекусить», т.е. доказательств исконности первого значения. Русские источники, в которых это выражение зафиксировано лишь с прошлого века, — его, например, не отмечает фразеологический словарь XVIII века [Палевская М.Ф., 1980: 245] — не дают для такой аргументации достаточного материала. Обратившись к другим языкам, легко убедиться, что характеристика оборота *заморить червячка* как «собственно русского» в «Кратком этимологическом словаре русской фразеологии» неверна.

В восточнославянских языках этот оборот, правда, фиксируется лишь с XX века и лишь в значении «перекусить, слегка утолить голод»: укр. *заморити черв'яка (черв'ячка)*. Абсолютное тождество структуры и значения, отсутствие вариантов, поздняя фиксация словарями и некоторые другие особенности (см. ниже) позволяют предположить, что украинские фразеологизмы — заимствования из русского.

Определение варианта невозможно без констатации тождественности семантики фразеологизма. Вот почему для определения фразеологической вариантности необходима опора именно на единство внутренней мотивировки фразеологизма, его образа, скрепляющего лексический состав сочетания и его грамматическую структуру. За пределами такого тождества, или единства, кончается вариант и начинается синоним. Другое необходимое условие фразеологической вариантности — относительная тождественность синтаксической конструкции, в рамках которой проходят лексические замены. Единство образа и синтаксической конструкции формирует фразеологическую серию, характеризующуюся лексической вариантностью. Именно поэтому лексические замены в вариантах фразеологических единиц носят, как правило, строго закономерный, системный характер.

Поскольку тождество образа вариантного ряда фразеологизмов является основным его признаком, то и классификация лексических вариантов должна опираться прежде всего на этот признак. Такая классификация в принципе аналогична возможному распределению диалектных вариантов фразеологической единицы по степени воспроизведения образа, лежащего в его

основе. Но особое внимание будет сосредоточено на степени синонимичности компонентов фразеологизма, а не на тождестве фразеологического образа в целом.

1. Заменяющий компонент – полный синоним заменяемого: русск. *пёс (собака) на сене* – укр. *собака на сіні*; русск. *перста в рот не суй, пальца в рот не клади* – укр. *пальці у рот не клади*; русск. *светы с глаз посыплются, искры из глаз посыпятся* – укр. *аж іскри з очей посипалися, аж в очах заіскрилося, аж зірниці засвітили, аж каганці в очах засвітилися*; русск. *зари (завидки) берут* – укр. *завидки беруть*; русск. *быть на чьей-либо холке, сидеть (быть) на чьей-либо шее* – укр. *сидіти на шиї (у когось)*; русск. *моя изба (моя хата) с краю* – укр. *моя хата з краю* и др. Примеры подобных замен специально подобраны из литературных и диалектных фразеологизмов, но они весьма распространены и в литературном языке (*найти дорогу (путь) к сердцу*), и в диалектной речи – даже локального говора (ср.: белом. *позади очи (глаз) – за глаза, лицемерно*).

2. Заменяющий компонент синонимичен заменяемому, но несколько отличается от него оттенком значения. Так, компонент *гачи* в обороте русск. *без задних ног спать* – укр. *спати без задніх ніг* синонимичен слову *нога*, но *гачи* обозначает в говорах не всю ногу, а лишь часть ее – бедро. Другой случай – сиб. *норку задирать (задрать)*, соответствующее литер. русск. *задирать нос* (норка обычно имеет значение «морда животного, лицо человека») – укр. *гнути (дерти, задирали) кирпу (ніс)*. Подобные примеры: русск. *пенки (сливки) снимать* – укр. *зняти пінку, збирати вершки*; русск. *копать кому-нибудь яму (ров)* – укр. *копати яму*.

Следует подчеркнуть, что различия двух типов синонимической замены незначительны уже потому, что само понятие абсолютного синонима относительно. Этот факт особенно актуален в отношении диахронического (resp. ареального) анализа подобных «синонимических» компонентов который, как правило, вскрывает между ними различие семантического характера.

3. Заменяющий компонент не является синонимом заменяемого, но относится к тематически однородной группе лексики. На первый взгляд может

показаться, что такая лексическая замена противоречит самому принципу вариантности, основным признаком которой признается семантическая тождественность. Это противоречие существовало бы, если бы мы признали (вслед за некоторыми фразеологами) «неупорядоченный» характер подобных замен. На ряде примеров, однако, уже демонстрировалась их закономерность, которая квалифицируется в данной работе как тематическая однородность лексики, подвергающейся заменам.

Эта тематическая однородность, естественно, имеет свою фразеологическую специфику и должна пониматься более широко, чем простое вхождение в конкретную тематическую группу лексики. Такое понимание тематической однородности компонентов фразеологической единицы вытекает из специфики функционирования слов в составе фразеологизма: становясь фразеологическими компонентами, слова приобретают своеобразное значение. Эта специфика фразеологической «обработки» слова обусловлена двумя противоположными его состояниями в составе фразеологизирующей (resp. симовлизированной, переносной) семантикой. Обобщенный характер фразеологического употребления слова, уменьшение номинативных функций лексемы и повышение ее экспрессивных характеристик необходимо влекут за собой расширенное понимание тематической однородности при лексических заменах.

Например, русск. *пазуха – дверь – рамка*; укр. *пазуха – плечи – двери – надро – покрывка – сосна* не являются синонимами. С лексической точки зрения их нельзя трактовать и как элементы одного тематического ряда. Во фразеологии, однако, эти лексемы объединяются в рамках одной фразеосхемы как у *Бога за пазухой (за дверями, за рамкой)* – «быть счастливым; жить без забот, в безопасности»; ср. русск. *как у Бога (у Христа) за пазухой*; укр. *як у Бога за пазухою (за дверми, за плечима, за надром, за кроснами)*; *як у Бога під покрывкою; як у Христа за пазухою*.

Семантический анализ компонентов-заменителей слова *пазуха* в разных языках позволяет распределить эти компоненты на несколько тематических групп: 1) название части тела, ассоциирующееся с надежным укрытием,

спокойным местом: русск., укр. *пазуха*, укр. *плечи*, укр. диал. *надро*; 2) название предметов, обеспечивающих надежное укрытие и безопасность: русск. *двери*, укр. *покришка* – «крышка»; 3) название иных предметов: русск. *рамка*, укр. *кросни* – «ткацкий станок».

Даже такая неполная классификация заменяемых компонентов позволяет выявить семантическую общность, на которой основывается лексическая вариантность данной фразеосхемы. Эту общность можно характеризовать значением «надежно укрытое место». Более же детальный анализ вскрывает еще большую тематическую связь трех групп данных компонентов. Так, использование укр. *кросни* в качестве заменителя лексемы *пазуха*, видимо, обусловлено семантическими потенциями этого слова, ведущего начало от прасл. *krōsno* – «рама определенной формы», служащая для различных целей. Этот этимологический экскурс объясняет семантическую общность ареально удаленных друг от друга пск. *как у Бога за рамкой* и укр. *як у Бога за кроснами*. Общая семантическая ось «ограничение» сближает эти две лексемы с компонентами второй выделенной группы (*двери*, *покришка* и др.).

Приводимые этимологические экскурсы не следует принимать как констатацию древности всех приведенных фразеологических вариантов и тем более как реконструкцию древнейших значений компонентов, подвергшихся замене. Речь идет о семантических потенциях этих компонентов, ставших одной из причин лексической вариантности фразеологизма. Именно поэтому при анализе мотивировки лексических замен обычно достаточно констатировать общую «тематическую однородность» на уровне трех групп лексем, выявленных для фразеосхемы *как у Бога за пазухой*.

4. Заменяющий компонент соотносится с заменяемым не по смыслу, а по созвучию. Такие замены регулируются (чаще всего) рифмой и поэтому кажутся неоправданными. Так, оборот *выменять шило на мыло* – «выбрать из плохого худшее» кажется неоправданным с точки зрения внутренней мотивировки. Несоизмеримость *мыла* и *шила* особенно явно видна на фоне аналогичных оборотов: русск. *выменять (променять) кукушку (какушку) на ястребца*; смол. *праминял быка на индыка*; пск. *менять быка на индыка*; курск. *поменял валенок*

на галошу; укр. *проміняв вовки на собаки; виміняв ремінець на личко* и др. с подобным фразеологическим значением.

Поиски исходной мотивировки приводят к диал. *выменять шило на свайку* (*свайка* – «толстый гвоздь или шип с большой головкой для игры в свайку»). Логичность внутренней формы в этом нерифмованном варианте несомненна: во-первых, речь идет об однородных предметах, во-вторых, отрицательная окраска «нетрудового» термина *свайка*.

Общий смысловой стержень фразеологической единицы особенно четко сохраняет стабильность, когда мы имеем дело с активной фразеологической моделью, реализующейся различными лексемами-компонентами фразеологизма. Это особенно важно для исторической фразеологии.

Примером этимологического анализа фразеологизма может быть попытка нового этимологического толкования восточнославянской фразеологической единицы; русск. *точить балясы (балы, лясы)*; укр. *точити баляси (ляси)* – «заниматься пустой болтовней, пустословить». Традиционная ее этимология считается одной из самых аксиоматичных. Ее, видимо, предвосхитил В.И. Даль, поместивший в своем словаре слова *балясина* – «точеный столбик под поручни, перила, ограду» и *балясы* – «шутки, веселые рассказы» в одном гнезде. Этнограф С.В.Максимов во многом опирающийся на словарь Даля, сделал это лексикографическое указание «достоверной» этимологической гипотезой, описав, как семеновские токари вытачивают из осиновых плах фигурные балясины, идущие на украшение лестничных перил и балконов [Максимов С.В., 2009: 31]. Виноградов в очерке «Из истории русской лексики» (1941) аргументирует эту гипотезу лингвистически, указывая на то, что *точить балясы* – профессиональное выражение, ядром которого является слово *балясы*. В переносном значении выражение *точить балясы* стало символом пустословия и болтовни. Сложилось же значение «болтать, пустословить», по мнению Виноградова, не позднее XVIII в. Яркость и конкретность исходной мотивировки, видимая логичность семантического перехода от прямого значения к переносному, экстралингвистическая оправданность и, наконец, значимость источников и авторитет авторов сделали эту гипотезу аксиомой:

она принимается всеми этимологическими словарями русского языка и широко популяризуется в многочисленных пособиях по фразеологии.

Этимология фразеологизма русск. *отложить в долгий ящик* – укр. *відкласти в довгий ящик (у довгу шухляду)* с рассмотрением челобитных 300 лет назад Алексеем Михайловичем, он пишет: «Трудно, однако, поручиться за точность этого объяснения: ведь говорим мы не «опустить» или не «положить», а «отложить в долгий ящик» [Вартаньян Э.А., 2007: 126]. Можно думать, что выражение наше, скорее, могло родиться позднее, в «присутствиях» - учреждениях XIX века. Тогдашние чиновники, принимая разные просьбы, жалобы и ходатайства, несомненно, сортировали их, раскладывая по разным ящикам. «Долгим» мог называться тот, куда откладывались самые неспешные дела. Понятно, что такого ящика просители боялись» [Вартаньян Э.А., 2007: 37].

Критическое отношение Э.А.Вартаньяна к традиционной этимологии кажется логически оправданным. Лингвистическая аргументация предлагаемого толкования, однако, недостаточно корректна. Уже в прошлом веке выражение могло употребляться и с глаголом *положить*, и с глаголом *попасть* или *пойти*. Следовательно, опираться при критике традиционной версии лишь на отрицание возможности варьирования глагольного компонента *отложить*, действительно, наиболее употребительного для данного выражения, все-таки нельзя.

Однако и сторонники второй интерпретации подчеркивают национальную специфичность и исконный характер оборота *отложить в долгий ящик*. Более того, у Э.А.Вартаньяна, как мы видели, рождение этого фразеологизма именно на основании критического подхода к этимологии предшественников датируется уже XIX, а не XVII веком, что делает его русскую паспортизацию еще более «историчной». Не случайно один из последних научно-популярных справочников по этимологии русских фразеологизмов, признавая одинаковую возможность двух вышеназванных толкований, квалифицирует наше выражение как собственно русское [Вартаньян Э.А., 2007: 22-23].

Но обращение к материалу других славянских языков показывает

ошибочность этой констатации, принятой в русской исторической фразеологии. Для восточнославянской зоны, правда, можно предполагать заимствование непосредственно из русского.

В украинском языке этот оборот известен в двух лексических вариациях *відкладати (відкласти) в довгий ящик* и *відкладати (відкласти) у довгу шухляду*. Уже само тождество структуры и значения при отсутствии активной вариативности может стать, как убедительно показал Н.И.Толстой [Толстой Н.И., 1995: 468], свидетельством заимствованного характера фразеологизмов.

Интересна судьба и другого фразеологического оборота. Хорошо зная, что такое русский счет и конторские счета, сами русские не всегда увязывают выражение *сбрасывать со счета* именно со счетным прибором. Поэтому в нашем языке распространяется его вариант – *сбрасывать со счета*, который внутренне бессмыслен. Вот почему знание истинного образа оборота не только напоминает о русской реалии, но и помогает следить в данном случае за правильностью речи.

Разумеется, этимологический экскурс и рекомендации по правильному употреблению того или иного слова и выражения – далеко не одно и то же. Язык развивается, меняются значения слов и их форма. Поэтому то, что с чисто этимологической точки зрения неверно, со временем может так укорениться в обиходе, что бессмысленно настаивать на жесткой регламентации «исконного» варианта, как это нередко делается писателями-популяризаторами вроде Б.Т.Тимофеева. Так произошло и с вариантом *сбрасывать со счёта*, который уже признается допустимым в русском литературном языке [ТСВЯ, 1986: 436].

Опираясь на истинную мотивировку идиом, добытую либо путем глубинных этимологических разысканий, либо «открытым способом», можно реконструировать в итоге целую картину «русского мира», отраженную зеркалом фразеологии. Вот лишь основные идеографические рубрики этой картины, которые можно использовать при более глубоком осмыслении родной речи нашими соотечественниками.

1. Природа, животный и растительный мир: *на чем свет стоит, свет*

клином сошелся на ком, выйти сухим из воды, как с гуся вода, как курица лапой, где раки зимуют, убить бобра, медведь на ухо наступил кому, белены объелся, ободрать как липку и др.

2. *Анатомия человека и жесты: на глазах, хоть глаз выколи, сломя голову, водить за нос, высасывать из пальца, сложа руки сидеть, на руку, чувство локтя, на большой палец и др.*

3. *Бытовые представления:*

а) *реалии повседневной жизни прошлого – задать баню кому, не ко двору, дым коромыслом, из кулька в рогожку, закусывать удила и др.;*

б) *трудовые процессы в крестьянской жизни – через пень колоду, хоть пруд пруди, не мытьем, так катаньем, попасть впросак и др.;*

в) *единицы измерения (меры времени, длины, веса; денежные единицы) – не по дням, а по часам, без году неделя, ни свет, ни заря; как аршин проглотил, мерить на свой аршин, за семь верст киселя хлебать, от горшка два вершка, с три короба, ни алтына за душой, ломаного гроша не стоит и др.;*

г) *игры, развлечения, спорт – бить баклуши, играть в бирюльки, поставить на попа, жив курилка, биться об заклад, играть в жмурки и др.;*

д) *народная кухня и пища – печь как блины, седьмая вода на киселе, калачом не заманишь кого, тертый калач, заварить кашу, мало каши ел кто, молочные реки и кисельные берега и др.*

4. *История: в бегах, в нетях, ни бельмеса не смыслить, как Мамай прошел, Мамаево побоище, коломенская верста, казанская сирота, узнать всю подноготную, ни к селу, ни к городу, гол как сокол и др.*

5. *Социальные отношения:*

а) *семья и родственные связи – свой брат, наш брат, Иван, не помнящий родства, и др.;*

б) *этикет – милости просим, бить челом, ломать шапку перед кем, прийти к шапочному разбору, не поминай лихом, с легким паром, не солоно хлебавши и др.;*

в) *профессии – пока суд да дело, судить да рядить, тянуть канитель, звонить во все колокола, наклеивать ярлык, получить добро, тянуть ляжку, под*

сурдинку, вывести на орбиту, выйти на орбиту, закручивать гайку, сбрасывать со счётов, зеленая улица, без сучка без задоринки и др.

6. Духовная культура:

а) обряды, суеверия, верования – *бабушка надвое сказала, к чертовой бабушке, бес попутал, как в воду смотрел, ни дна ни покрышки, вбивать осиновый кол, перемывать косточки, с легкой руки, тупун тебе на язык и др.;*

б) религиозные представления, связанные с христианством и старославянская книжность – *ад кромешний, тьма кромешина, бездна (кладезь) премудрости, еле можяху, как на духу, как зеницу ока, земля обетованная, камень преткновения, одним миром мазаны, один как перст, притча во языцех, воздать сторицей, как у Христа за пазухой и др.;*

в) письменность, книжное дело – *ни аза, от аза до ижицы, с азов, буква в букву, для галочки, филькина грамота, от доски до доски, прописать ижицу, с красной строки, брать на карандаш, плести словеса, ходить фертном и др.;*

г) художественная литература – *кисейная барышня, с открытым забралом, медовый месяц, лебединая песня, путевка в жизнь и др.*

7. Фольклор, народная речь, юмор: *на авось, не ахти какой, по щучьему велению; тише воды, ниже травы; красная девица, кровь с молоком, рожки да ножки, ни слуху ни духу, вверх тормашками, за тридевять земель, при царе Горохе, ворон считать, дать берёзовой каши, когда рак на горе свистнет и др.*

Установление семантической модели образования фразеологизма означает выявление продуктивности мотивировки «заниматься полезной (хотя и нетрудной) деятельностью; бездельничать», лежащей в основе традиционной этимологии. Рассмотрим с этой точки зрения фразеологические ряды со значением «бездельничать» в русском и украинском языках. Комплексный анализ позволяет сделать вывод, что большинство сочетаний построено по трем семантическим моделям:

1. «Абсолютно ничего не делать = бездельничать»: русск. *палец о палец не ударить (не стукнуть); перст о перст не колонуть; и пальцем не пошевелить (не погнуть); и пальца не поднять; палец в ухе держать; палки (палка об палку) не переломить; рука об руку не стукать (не ударить); не знать, куда*

себя девать и т.п. Сюда же можно отнести и некоторые субстантивные фразеологизмы, вероятно, восходящие к глагольным: русск. *ни тпру ни ну; ни в сноп ни в горсть; ни пришей кобыле хвост; ни пришей ни пристегни; ни прясть, ни ткать, ни вязьё вязать; трем свиньям корму не разделить*; укр. *ні до холодної води* [Ларин Б.А., 1959: 33]; *і кішці (і коту) хвоста не завяже; собаці хвоста не завяже; ні швець ні мнець* и т.п.

2. «Принимать позу, в которой невозможно ничего делать = бездельничать»: русск. *лежать на печи (на боку)*; диал. *за печью сидеть* (ср.: *запешной гость*); *сидеть на печи (у груби)*; *сидеть за печью в золе; на печке сидел, кирпичам молился; сидит как гость; сидеть поджав (поджавши, склавши) руки; сидеть сложа руки (руки склавши, руки сощавивши); ручки скласть; руки (ручки) сложить; сидеть рука на руке; сидеть богородицей; лежи на боку да гляди за Оку; лежать лёжкой; лежачьё лежать; за солнцем лежать; затылком наволочки стирать; стоять руки в боки, глаза в потолки; стоять фертном; стоять с разинутым ртом (развесив уши); ковырять в носу*; укр. *сидить як засватаний; сидить сиднем; посиденьки (лежни) справляти; боки вилежавши* и т.п. Ср. также ряд соответствий русск. *сидеть сложа руки и ходить руки в брюки* (известных и в диалектах) в других языках.

3. «Заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью = бездельничать». Эта модель используется наиболее активно. Внутри нее можно выделить несколько подтипов, различающихся по конкретной внутренней мотивировке.

1) «Болтать, пустословить» (фразеологические синонимы этого типа, как правило, сохраняют семантическую связь с понятием «пустословить»): *точить лясы (балы, балясы; переливать из пустого в порожнее; лить воду; травить баланду; гнуть бильдюгу; разводит балагуры (бодягу); молоть чушь; городить вздор; расстёгивать рот; болтать (трепать, бить, щелкать, играть) языком* и т.п. Внутренняя мотивировка образований этого ряда строится на иных принципах, чем синонимика ряда «бездельничать».

2) «Заниматься заведомо бесплодной деятельностью»: *носить воду решетом; толочь воду в ступе; искать вчерашний день; гонять ветер* (ср.

ветрогон); *коптить небо*; *считать ворон, ловить галок; гонять собак*. В русских диалектах такие образования исключительно многообразны по мотивировке: *из песку верёвки вить; вить веревочки* (ср.: укр. *з піску мотузки суче*); *в проходном ряду ветром (пылью) торгует; вертеть вола; из правого кармана в левый (из мешка в мешок) пересыпать; трубить (дуть) в кулак; аб углы бьют; в лапоть звонить; из лесу в лес возить дрова (водить медведя); ноги сушить; на оглоблю глядеть; пень колотить (да) день проводить; пепел пересыпать; сажу колпаком мерять; мешком свет носить, решетом (пихтярём) солнца ловить; вертеть солнышко; полоть снег на росстани, на собак (на собаке) сено косить; на собаках шерсть бить; на собак лаять; чёрных собак (чёрных кобелей) набело перемывать; имелей слушать; парить яйца и т.п. Ср. также укр. *товкти воду в ступі; ловити вітрів; шукати вітра в полю; горобців (ворон, граків, гав) лічити; горобцям дули давати; турів ганяти; ханьки мяти* и т.п.*

3) «Слоняться, ходить без дела»: русск. *слоняться из угла в угол; слоны слонять и слоны продавать; гранить мостовую; состоять в комитете по утаптыванию мостовой; шаты продавать; болтаться по заугольям; шататься по лытам*; укр. *походенькі (швенді) справляти; тинятися з кутка в куток* и т.п.

4) «Играть в какую-нибудь игру, развлекаться»: русск. *играть в бирюльки; гонять мяч; в переборочку играть; шары валять да к стене прислонять* и т.п.

Переход от процесса игры в городки или бабки к символическому обозначению безделья соответствует семантике данного фразеологического ряда. Учитывая широкую употребительность фразеологизма *бить баклуши* и популярность игры, лежащей в основе его мотивировки, можно предполагать существование в разговорной речи более конкретной модели: «сбивать городки, рюхи, бабки = бездельничать». Так в свияжских говорах записан следующий контекст к слову *блудня*: *Блудня ты эдакой, чем книжку читать он городки строит*. Не менее очевидна отрицательная коннотация со значением «бездельничать» и для следующих контекстов с игровыми терминами: русск. *целый день играл в шелугу (шелуга или шалуга – «деревянный или лыковый*

мяч»); *рюхи в брюхе будут играть; у него альчики на уме; книгами не лодыгами играть; в книги не в чурки;* укр. *що за робота – шахи та махи.*

Фразеологическая единица – пословица. Примеры диахронического анализа фразеологизмов показывают, что недооценка эксплицитности особенно характерна для анализа взаимоотношений пословиц и фразеологических единиц. И действительно, если само традиционное определение поговорки (фразеологизма) предполагает, что она часть пословицы, то ее имплицитный характер кажется сам собой разумеющимся. «Частичность» фразеологизма по сравнению с пословицей, однако, далеко не всегда может пониматься как результат ее имплицирования. Фразеологическая единица в пословице нередко является устойчивым структурным и семантическим стержнем, на который «нанализывается» переменный контекст. Происходит нечто подобное «наращиванию» слова во фразеологизм или «развертыванию» последнего «вклиниванием». Такой фразеологический стержень пословицы обычно остается неизменным, в то время как «нефразеологические» компоненты широко варьируются.

Так выражение *по Сеньке шапка* – «кто-то получает то, что заслуживает» является стержнем пословицы *по Сеньке и шапка, по Ерёме (Ерёмке) колпак*. Исконность тем, что наиболее древние источники (с XVII в.) фиксируют имплицитную форму: *по Сеньке (по Стеньке) и шапка*. Но еще более убедительным аргументом вторичности пословицы является активная вариантность ее «нефразеологической» части: *По Сеньке шапка, по Ерёме кафтан; По Сеньке и шапка, по горшку и крышка; По Сеньке и шапка, по свинье мешалка; По Сеньке и шапка, по бабе брага; По Сеньке шапка, по Ермошке колпак; По Сеньке и шапка, по Ваньке колпак, по Ефиму кулак*. В художественной литературе и публицистике используются именно эти варианты с сохранением «стержневого сочетания»: *По Сеньке и шапка, по Сенькиной матери и кафтан; По Сеньке и шапка, по Дудинке и школа*. Разумеется возможны и определенные вариации «стержневого сочетания» (*По Сеньке и шлык, да не по нём сшит; По Афоньке шапка, по Ерёмке колпак*), но они весьма спорадичны. Ср. аналогичные вариантные ряды в других

восточнославянских языках: укр. *по синку шапка; по Савці свитка, по пану шапка* и под. В целом приведенные варианты показывают, что пословицы в данном случае создаются как бы «нанизыванием» факультативного сочетания на исконный фразеологизм.

Исследователи довольно часто упускают из виду подобную вариантность компонентов пословицы и без оснований констатируют изменение пословицы во фразеологизм даже в тех случаях, когда эксплицитные варианты периферийны. Так, Скрипник Л.Г. считает редукцией оборот *не всі дома* – «о придурковатом человеке» на основе фиксации таких вариантов, как укр. *не всі дома, половина поїхала; не всі дома, пішли по дрова* и *не всі дома, поїхали по курай* [Скрипник Л.Г., 1983: 140]. Нетрудно заметить, что эти варианты усиливают экспрессию оборота *не всі дома* конкретизацией прямого значения компонентов. Уже это заставляет предположить здесь эксплицирование компонентов. Такое предположение подтверждается языковыми фактами.

Естественно ожидать, что наибольшую способность к фразеологизации проявляют те свободные сочетания слов, которые отражают конкретные явления материальной действительности, связанные с жизнью человека.

Этот факт давно замечен фразеологами и паремиологами (в русской традиции – особенно Ф.И. Буслаевым, И.А. Снегиревым, В.И. Далем). Например, уже в прошлом веке по этому признаку идиомы делили на две группы: фразеологизмы, буквально обозначающие какое-нибудь физическое действие, а переносно – действие нефизическое, и обороты, буквально обозначающие одно физическое действие, а переносно – другое. Разумеется, сведение всех видов фразеологии образного типа к обозначению «физического действия» - излишнее преувеличение. Оно, однако, показательное потому, что подчеркивает факт конкретности, материальности тех представлений, которые отражаются свободными словосочетаниями – прототипами фразеологических единиц.

Эта конкретность ярко проявляется при тематической классификации фразеологизмов, отражающей их мотивировку: выражения, связанные с различными сферами человеческой деятельности, с животным и растительным

миром, явлениями природы и т.д. Такая классификация часто встречается в работах, затрагивающих проблемы исторической фразеологии. Она и позволяет выявить тот комплекс конкретных представлений, которые породили, по выражению А.А. Потебни, «особенного рода ассоциации мысли» [Потебня А.А., 1989: 106], отложившиеся во фразеологии разных народов. Эти конкретные представления нередко уходят корнями в глубокое прошлое, отражая универсальность некоторых психических механизмов создания переносности «через человека» - так называемое «право ассоциаций», которое особенно эффективно вскрывается межязыковым сопоставлением. Могут они отражать и относительно современную реальность.

Нашей целью не является подобное перечисление всех тематических групп фразеологических единиц или тем более их детальное описание. Рассмотрим лишь одну из них – профессиональную, которой, благодаря ее большой активности в процессе фразеологизации и национальному колориту, обычно отводится особое место в работах по фразеологии. Под профессиональной фразеологией понимают устойчивые сочетания, отражающие «и прежние приемы труда, и специальные формы содружества участников коллективной работы, и взгляды ремесленников или промышленников на свой труд» [Ларин Б.А., 1959: 36]. Классификация таких сочетаний обычно сводится к построению «профессиональных» рядов фразеологизмов.

Разграничение экстралингвистических и социальных факторов следует проводить и в других тематических группах фразеологических единиц, хотя степень их воздействия может быть различна. По предварительным наблюдениям, например, фразеология, восходящая к образам животного мира (*мокрая курица*), обнаруживает большую социальную обусловленность, чем фразеология «растительная» (*заблудиться в трёх соснах; проще пареной репы*), или – как это не парадоксально – соматическая (*с рук долой; на свою голову*).

Тематическая классификация фразеологизмов, следовательно, дает представление как об источниках их, так и об оценке фразеологических образов человеком. Распределяя сочетания на группы, мы тем самым восстанавливаем экстралингвистические обстоятельства, обусловившие возникновение

фразеологического образа. В лингвистическом плане такое распределение означает реконструкцию исходной модели.

Омонимическая трансформация компонентов. Процесс искажения исходного образа фразеологизма на базе омонимии принципиально близок паронимической трансформации. Различие состоит лишь в том, что в последнем случае происходит как бы «подгонка» фразеологического компонента под омоним, в то время как в первом случае существующая омонимия способствует появлению ложных аналогий. Так, слово *сокол* в обороте *гол как сокол* вызывает ложную ассоциацию с хищной птицей, а не с исходным *сокол* – «старинное стенобитное орудие»; *гонять лодыря* возводится к историческому анекдоту о московском враче Лодере, якобы лечившем от ожирения утомительными прогулками по своему саду, а *Потёмкинские деревни* в речи ставятся в прямую связь с «потемками» или «темной деревней».

При столкновении омонимов в рамках одной фразеологической единицы побеждает, как правило, наиболее употребительный в данное время. Например, оборот *наговорить сорок бочек арестантов* – «нарасказывать небылиц» не зарегистрирован ни словарями литературного языка, ни картотекой Института языкознания АН СССР. Однако он широко известен в разговорной речи восточнославянских народов: русск. *наговорить сорок бочек арестантов*; укр. *наказати сорок бочок арестантів*. Мотивировка этого фразеологизма темна, хотя значение каждого отдельного компонента как будто предельно ясно. Естественно, что именно из этих «ясных» значений (прежде всего слова *арестант*) исходят носители языка, возрождая прямой смысл оборота. Прямая ассоциация с арестантами ведет иногда даже к перестройке семантики фразеологизма.

Фразеологизмы с подобным значением обычно строятся на подчеркивании неправдоподобности рассказ или обещания: укр. *наскажеш четвергів з п'ятницями* (ср.: *наказал семь четвергов*); русск. *наскажешь воробья на сосне*; *наскажешь семь верст до небес и все лесом*. Среди них есть и такие, которые включают различные «измерительные сосуды»: *наговорить (наврать) с три короба*; *насулил с три короба*; *наврал, что в три короба не сложишь*; укр.

наговорити (набалакати, намолоти, напестити) сім кіп; наговорити три мішки гречаної вовни та чотири копи гречки.

Анализ мотивировки этого оборота приводит к диалектному (олон.) слову арестант – «мелкая сушеная рыба». Такая трактовка, как кажется, объясняет логику исходного образа – «нарассказать небылиц о якобы огромном улове». В этом случае фразеологизм *наговорить сорок бочек арестантов* не только соответствует модели *наговорить с три короба* или *наказати сім мішків гречаної вовни...*, но и находит аналогии в «рыбацких» сравнениях иного семантического плана. Ср.: *набились как сельди в бочке* (укр. *як оселедців у бочці*). Распространенные ассоциации нашего выражения с лексемой *арестант* – «заключенный», таким образом, являются омонимической трансформацией этого компонента.

Характерно, что, несмотря на различие языков и структуры фразеологизмов, в обороте *наговорить сорок бочек арестантов* более современное и актуальное значение компонента подавляет исконную его семантику, повышая тем самым экспрессивность сочетания.

Полисемантическая трансформация компонентов. При искажении фразеологического образа омонимическая и полисемантическая трансформации дают практически одинаковый результат. В какой-то мере это связано с весьма мобильными (в диахроническом плане) границами между омонимией и полисемией. В обоих случаях искажение связано с абсолютной общностью формы при различии содержания. Тождественность формы порождает (ложное) отождествление содержания.

При полисемии, однако, возможность искажения образа увеличивается. Современное значение фразеологического компонента нередко полностью вытесняет его первоначальный смысл, утраченный в процессе развития сочетания. Новое осмысление компонента рождает новые ассоциации, новое логическое «оправдание» формы фразеологизма – словом, более или менее правдоподобный фразеологический миф.

Показательна мотивировка фразеологической единицы *попасть в переплёт* – «оказаться в трудном, опасном или неприятном положении» (укр.:

ускочити вище халяв, попасти в халепу (в клопіт, в біду, в тарапату)). Ни одно из современных значений слова *переплет* не дает основания для расшифровки оборота в целом. Отрицая напрашивающуюся ассоциацию с профессиональным языком переплетчиков, А.И.Альперин высказывает гипотезу о происхождении этого выражения, опираясь на свидетельство книги Д.Смиронова «Картинки нижегородского быта XIX века» (1948). «Переплетом» нижегородские грузчики называли самые грязные и дешевые ночлежки Переплетчиковского корпуса на нижнем базаре. «Специальное нижегородское выражение», по мнению Смиронова и Альперина, первоначально и означало «испытать крайнюю нужду, жить в отвратительных, едва переносимых условиях». Лишь потом этот оборот приобрел более широкое употребление и современное значение. Такое объяснение противоречит как чрезвычайно широкому распространению сочетания *попасть в переплёт* на фоне узколокального *переплет* – «Переплетчиковский корпус», так и его значению «очутиться в сложных жизненных обстоятельствах» [Альперин А.И., 1959, 78].

Анализ материала показывает, что абстрактное значение слова *переплет* – результат длительного фразеологического употребления в широком ареале. В говорах распространены выражения, образованные по модели «*попасть* + капкан, силки». В переносном употреблении все они значат примерно то же, что и *попасть в переплёт*. Активность употребления этой модели в народной речи заставляет предположить, что и слово *переплет* может значить ловушку. И действительно: в диалектах, например архангельских, *преплет* значит «плетень из хвороста, от берега в глубь реки, для постановки... мережки на залов семги». Исходным образом нашего оборота, следовательно, является обычная ситуация попадания в рыболовную снасть, широко отраженная во фразеологии разных народов.

Еще более затруднена реконструкция первоначального образа тех фразеологизмов, компонентами которых являются слова с разветвленной полисемией. Такими компонентами оказываются названия животных. Поэтому анималистические фразеологизмы трактуются весьма различно, в зависимости от значения, избираемого (обычно весьма произвольно) исследователем. Так,

буквальное значение слов *подложить* и *свинья* не объясняет мотивировку сочетания *подложить свинью*. Д.Ю. Кобяков [Кобяков Д.Ю., 2014: 98], поэтому предлагает исходить из значения «военный строй клином», известного для древнерусского слова *свинья*, а Л.Г. Скрипник [Скрипник Л.Г., 1983: 173] связывает соответствующий украинский оборот *підкласти (підсунути) свиню* с народной игрой *свиня*.

2.2. Структурные соответствия русских и украинских фразеологических единиц

Значительная часть фраземики России и Украины, сформированная вековыми контактами русского и украинского народов, отождествима с фраземикой соответствующих литературных языков, что говорит, с одной стороны, об общности восприятия мира народами-соседями, а с другой - о влиянии соответствующего этноязыкового сознания на «моделирование» фразеологической картины мира. Весомую группу составляют межъязыковые фразеологические кальки или полукальки, т.е. единицы украинского и русского языков, совпадающие и по форме, и по значению. Например: укр. *як маслом намазане* / русск. *как маслом намазано*; укр. *на кудикину гору* / русск. *на кудыкину гору* («очень далеко»); укр. *як у воду глянути* / русск. *как в воду глядеть*; укр. *ні риба ні м'ясо* / русск. *ни рыба ни мясо*; укр. *забор городити* / русск. *забор городить* («нести чушь»); укр. *хоч коней паси* / русск. *хоть коней паси* («очень просторное место»), укр. *заливатися солов'єм* / русск. *заливаться соловьем* («обманывать»), русск. *гонять чай* / укр. *чай ганяти* («пить чай»).

С точки зрения структуры русские и украинские фраземы относятся к четырем основным типам:

1. Фраземы со структурой синтагмы, составляющие подавляющее число русских и украинских фразем, например: *битый час*, *каждая собака*, *скор на руку*, *тьма тьмуца* кого, *чего без году неделя*, *труса (трус)* праздновать, *разводить бодягу* и др.

2. Фраземы со структурой предложения («глагольно-пропозициональные фразеологические единицы» [Молотков А.И., 1977: 143-144] – например: *руки не доходят* (не дошли до кого, до чего), *хмель вылетел* (выскочил, вышел) *из головы* (из башки) у кого, *ветер в голове* (бродит, свистит, гуляет, ходит) у кого, *палка плачет* по ком, *ум за разум заходит* (зашел) у кого, *душа не принимает* чего и др.

3. Асинтагматические фраземы («одновершинные фразеологические единицы – [Кунин А.В., 1996: 119], «предложно-именные фразеологические единицы» — [Ройзензон Л.И., 1977: 56], состоящие из одного генетически

знаменательного слова и одного или нескольких генетически неполнознаменательных слов, например: *до смешного, с оглядкой* (делать что), *на арана* (делать что), *не ко двору* (быть, прийти, оказаться где), *от печки* (делать что), *с сердцем* (сказать, сделать что) и др.

4. Субфраземы, состоящие исключительно из генетически неполнознаменательных слов. Русская фразеологическая теория их как особый структурный тип фразем не выделяет, хотя они приводятся в любом фразеологическом словаре, например: *еще бы!*, *вот вот!*, *вот это да!*, *ну да!* и др.

Анализ русских фразем выявляет, что конкретный структурный тип фразем обуславливает не только их безэквивалентность, но и способ, каким в другом языке, например, украинском, заполняются возникшие фразеологические лакуны.

1. Русским фраземам со структурой синтагмы соответствуют в украинском языке как фразеологические эквиваленты, так и отдельные слова и свободные словосочетания, ср. безэквивалентные русские фраземы: *тяжел на подъем* – 1. (ленивый, неподвижный), 2. (неуклюжий, неловкий); *сорок сороков* чего; *кривить душой*; *хватить (перехватить) через край*; *притча во языцех*. Исключение представляю русские глагольные фраземы с возвратным местоимением *себя* и его формой *собой*, имеющие в украинском языке регулярные соответствия в виде возвратных глаголов.

2. Русские фраземы со структурой предложения, обозначающие действие, которому подвергается или которое испытывает лицо, или состояние, в котором пребывает лицо, в украинском языке имеют, кроме фразеологических эквивалентов, соответствия только в виде свободных словосочетаний, ср.: *рука не налегает* у кого (сделать что); *руки не доходят* (не дошли до кого, до чего); *петля плачет по ком*; *душа (сердце) лежит* у кого к кому, к чему.

3. Русским асинтагматическим фраземам тождественны в украинском языке главным образом однословные соответствия, ср.: *на авось* (делать что); *на лету* (делать что); *не к месту* (сказать, сделать что); *до жути*; *до бесконечности* 1. (очень долго), 2. (в высшей степени); *не в строку* (говорить,

отвечать и т.п.). Словацкие однословные соответствия возникают часто за счет сращения или сложения двух или нескольких слов.

4. Русские субфраземы – это единственный структурный тип, всегда имеющий в украинском языке фразеологические эквиваленты, т.е. на их месте в украинской фразеологии никогда не возникают фразеологические лакуны, ср.: *ещё бы!*; *а как же!*; *вот это да!*; *вот ещё!*; *ещё чего!*; *ну да!*; *ну что ж;* *вот ещё!*

Итак, наличие безэквивалентных фразем в русском языке и фразеологических лакун в словацком языке обуславливается не столько семантикой русских фразем, сколько их структурным типом. Ввиду того, что набор безэквивалентных фразем меняется в зависимости от конкретного сравниваемого языка, нельзя безэквивалентную фразеологию считать проявлением ее этнокультурного характера. Косвенным доказательством этого являются словацкие фразеологические эквиваленты большинства этнокультурно маркированных русских фразем [Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г., 2008: 158], например: *мерить (мерять) на свой аршин*; *знать, где раки зимуют*; *дело в шляпе*; *у черта на куличках (на рогах)* и др. Безэквивалентная фразеология и этнокультурная маркированность фразеологии – явления разного порядка.

Часть русских и украинских фразем образовалась на базе пословичных выражений, других развернутых высказываний, при этом положенный в основу фраземы прототип подвергся более или менее значительным структурным и семантическим преобразованиям. Происходящие в двух языках процессы обычно носят аналогичный характер; в то же время их конкретное выявление в соотносительных фраземах может сближаться или расходиться в зависимости от схождений и расхождений первоначального материала, его дальнейших трансформаций.

При образовании фраземы на базе пословиц обычно опускаются компоненты, относящиеся прежде всего к конкретному частному значению первоначальной фраземы. В результате редукции может не сохраняться знание первичного облика всего выражения; вычлененный фрагмент становится менее

прозрачным по внутренней форме, мотивированности, может приобретать новые значения.

Многие образованные таким путем фраземы либо восходят к общему источнику и претерпевают одноплановые преобразования, либо калькируются по примеру редукции пословицы одного языка. Ср., напр.: русск. *пожалел волк кобылу*, «о беспощадном человеке», из пословицы *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву*; укр. *пожалів вовк кобилу* из *Пожалів вовк кобилу — зоставив хвіст та гриву*. В этих соотносительных фраземах не только частично утрачивается первоначальный, свойственный пословицам смысл, но и ослабевает иронический, насмешливый тон.

Более сложный трансформационный процесс происходил при образовании фразем на базе пословицы *Пьяному море по колено, а лужа по уши* — *пьяному море по колено*; ср. в укр. *море по коліно (по коліна)* в том же обобщенном значении «все нипочем, ничто не страшно»; смысл данных фразем отличается от смысла пословиц-прототипов; к тому же пословичные выражения отличаются большим налетом ироничности, экспрессией.

В части оборотов можно с большей или меньшей вероятностью обнаружить следы заимствования, калькирования, фразообразования. Так, русская фразема *пиши пропало* «о неизбежной неудаче, потере» обычно связывается с пословицей *Игла в стог упала — пиши пропала*; укр. *пиши пропало*, очевидно, калька русской фраземы. Украинская пословица *Моя хата з краю, нічого не знаю* дала фразему *(моя) хата з краю* «совершенно не касается, не имеет никакого отношения»; в русском языке, видимо, из украинского, образовалась пара *Моя хата с краю, я ничего не знаю* и соответствующая фразема *моя хата с краю* с теми же значениями.

Некоторые соотносительные фраземы двух языков восходят к пословицам, имеющим общий, но не идентичный набор компонентов, близкую, но не полностью совпадающую метафорическую, образную основу. При однотипных трансформациях пословиц полученные фраземы в большей или меньшей степени сближаются, вызывают одни и те же ассоциации. Так, русская фразема *старый (стреляный) воробей* восходит к пословице *Старого (стреляного)*

воробья на мякине не проведешь; укр. *старий (стріляний) горобець* — к пословице *Старого (стріляного) горобця на полові не зловиш*; соотносительные фраземы *старый (стреляный) воробей* // *старий (стріляний) горобець* частично утрачивают смысл, заложенный в пословицах, однако совпадают в новом значении «очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек».

Соотносительные фраземы, восходящие к пословицам, имеющим в двух языках различный набор компонентов и не полностью совпадающую мотивационную основу, могут получать внешний вид, только частично соответствующий первоначальному облику пословиц, с одновременным сближением их семантического объема. Русская фразема *бабушка надвое сказала* образовалась на базе пословицы *Бабушка гадала, да надвое сказала (иногда добавляют: либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет)* и имеет значение «неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли, осуществится ли». Украинская фразема *баба (бабка, бабуся) надвое ворожила* имеет в основе тот же метафорический перенос, одинаково истолковывается, но отличается по общему содержанию и словарному набору пословицы-прототипа: *Баба ворожила, або вмере, або буде жива* (ср. близкую по значению пословицу: *Казала Настя, як удасться*). В результате редукции и видимого взаимодействия в украинском произошло наложение фразем: *бабушка надвое сказала*//*баба надвое ворожила*.

Можно проследить и другие проявления тенденции к семантическому и структурному сближению фразем двух языков, восходящих к близким по значению, но далеко не идентичным по своим реализациям пословицам. Например, русскую фразему *чудеса в решете* обычно возводят к пословице *чудеса в решете: дыр много, а вылезть некуда*. Соотносительная украинская пословица — *диво решето: багацько дірок, та нікуди вилізти*, как видно, из нее путем усечения могла непосредственно образоваться фразема *чудеса в решеті*. Параллелизм образования русской и украинской фразем оказал воздействие и на их словное выражение.

На базе соотносительных пословиц двух языков могут развиваться

одновременно несколько фразем с отличным значением. Редукция охватывает различные фрагменты пословицы; при этом имплицитно сохраняется смысл всего выражения; в отдельных случаях можно говорить скорее о речевой недосказанности, незавершенном представлении пословицы, чем о законченности, языковой стабильности соответствующих фразем. Так, соотносительные пословичные выражения *За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь* // *За двома зайцями поженешся - ні одного не піймаєш (не зловиш)* (вариант: *Хто два зайці гонить, жодного не здогонить*) получают следующие фраземные образования: *гоняться за двумя зайцами, убить двух зайцев, за двумя зайцами* // *ганятися за двома (чотирма) зайцями, вбити двох зайців, за двома зайцями*. Развитие фраземных значений в русских и украинских оборотах происходило параллельно.

Расхождения между соотносительными по значению фраземами могут приобретать существенный характер, если они восходят к разным по мотивации и внутренней форме пословицам. Несмотря на частичную утрату первоначальной образности, такие образования все же сохраняют потенциальную основу пословичного выражения, оказывающую воздействие не только на внешнее оформление, но и на употребление, коннотативные наслоения фраземы. Ср., например, соотносительные русск. *не было печали* (из пословицы *Не было печали, так черти накачали*) и укр. *не мала баба клопоту* (из *Не мала баба клопоту, та купила поросю*).

Если к пословице восходит фразема только одного языка, то именно она или сохраняет в потенции смысл всего выражения, или претерпевает семантические изменения. На иной основе формируется в таких случаях значение соотносительного оборота другого языка. Так, русская фразема *чем черт не шутит* образовалась из пословицы *Чем черт не шутит, когда бог спит*, но далеко отошла от значения цельного выражения (фразема истолковывается «мало ли чего не бывает; все возможно, всякое может случиться, произойти» в отличие от пословицы, указывающей на определенные условия); ср. в украинском описательное сочетание *чого на світі не буває*, однословные параллели *можливо, буває*, лишенные образной, метафорической

глубины. Русская фразема *от ворот поворот* восходит к пословице *от чужих ворот (легко) поворот*; украинский оборот *завертай голоблі*, хотя по образному осмыслению и связан с русским эквивалентом, однако базируется уже на иной мотивации.

Классификации образования фразеологических единиц из пословиц нередко весьма формальны и непоследовательны. Так И.В. Абрамец распределяет случаи образования фразеологизмов на базе пословиц и поговорок на два типа: отсечение последней части (*Хлопот полон рот / а перекусить нечего*) и вычленение из состава пословицы глагольных, именных и т.п. сочетаний (*держать язык за зубами – Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами*) [Абрамец И.В., 1968: 106]. Нетрудно заметить противоречивость такого распределения, ибо оно строится на различных признаках: первый тип выделяется по месту имплицированной части пословицы, второй – по грамматической принадлежности имплицуемых компонентов.

Имплицирование пословиц во фразеологизмы происходит не только «отсечением последней части», известны и обратные случаи: *отставной козы барабанищик – Не велик чин: отставной козы барабанищик; без царя в голове – Свой ум – царь в голове.*

Отмечены случаи, когда в пословице сокращается либо первая, либо вторая часть. Так, пословица *Старого воробья на мякине не проведешь* без второй части дает широко известный номинативный оборот *старый воробей*, а без первой – глагольный оборот *кого-либо на мякине не проведешь* – «не обманешь, не одурачишь». Ср. также фразеологизмы *заварить кашу* и *расхлёбывать кашу*, восходящие к пословице *Кто заварил кашу, тот расхлебывай.*

Вместе с тем опущение второй части и фразеологизация первой – более частый случай эллиптирования, чем два описанных выше. Именно такой способ образования фразеологизмов (*как с гуся вода; хозяйский глаз* и т.п.), как правило, и описывается фразеологами при решении проблем взаимоотношений пословицы и поговорки. Ср. еще несколько примеров: *собака на сене – Как собака на сене лежит: (и) сама не ест, и другим не дает.*

Если принять трактовку Л.Г. Скрипник и Н.М. Шанского, то встает

законный вопрос: из какого эксплицитного варианта образовано выражение *ни кола ни двора*? Все они носят локальный характер, в то время как *ни кола ни двора* известен всем восточнославянским языкам. Уже этот общий ареальный анализ ставит под сомнение гипотезу об исконности эксплицитного варианта; вряд ли периферийный вариант мог стать основой для общевосточнославянского.

Это сомнение подкрепляется и фактами структурного порядка. Обороты подобного рода со значением «ничего» имеют обычно двучленную конструкцию: *ни скота ни живота; ни дому ни кому; ни слуху ни духу; ни бэ ни мэ; ни слыху ни вести; ни мачинки ни росинки; ни мучицы ни крупицы; ни шляпы ни мундира*.

Наконец, в семантическом (точнее, структурно-семантическом) плане важно, что выражение *ни кола ни двора* представляет собой нечто цельное: *кол* – «материал, из которого делается ограда» (ср.: ирк. *ни кола ни ограда; ни кола, ни двора, ни пригородки*), а *двор* – «пространство, огораживаемое такими кольями». Такое толкование вытекает как из наблюдений над коннотациями слова *кол* в славянской фразеологии, так и из необходимости противопоставления в подобных оборотах однородных предметов.

Все это позволяет, как кажется, констатировать не имплицирование сочетания *ни кола ни двора* из приводимых оборотов (типа русск. *ни кола, ни двора, ни милого живота*), а наоборот эксплицирование исходного двучленного сочетания в более пространственные варианты.

Некоторые компоненты ФЕ русского и украинского языков, утратившие самостоятельное значение в современном употреблении, параллельно сохраняются в обоих языках; обычно они восходят к образованиям древнерусского языка. Функционирование таких оборотов, их структура, семантика и стилистика, как правило, совпадают. Ср. *типун (тебе) на язык // тiпун (типун) (би) (тобі) на язык* «недоброе пожелание тому, кто говорит не то, что следует» (исконное *типун* — болезненный нарост на кончике языка у птиц).

Архаичные слова-компоненты в составе фразем могут быть понятны

говорящим, однако их употребление ограничивается, и прежде всего сферой фразеологии. Обороты с этими компонентами обычно параллельны в двух языках, в то же время степень их освоения, «проявления» в каждом из них может быть различной. Так, группа фразем, характеризующихся устаревшими формами, обычно имеет отличную формальную организацию, хотя их мотивационная база и набор компонентов могут сближаться. В этом плане характерно сопоставление русских фразем с устаревшими формами деепричастий на *-а (-я)* и их украинских параллелей.

Ср. русск. *сломя руки* и укр. *склавши руки; сломя голову* и укр. *стрімголов*. Фраземы с архаическими лексическими элементами и развившимися на собственно русской или украинской языковой почве, часто не имеют параллелей со словами того же происхождения в другом языке. При отсутствии прямого аналога другой язык использует либо фраземы с архаическими лексемами иного происхождения, либо фраземы (реже свободные сочетания) с отличной мотивацией и нетождественным набором компонентов. Однако даже в таких случаях другой язык нередко репрезентируется фраземами, повторяющими ту же фразеосхему, сохраняющими близость компонентов, соотносительных со словами свободного употребления. Ср., например, рус. простореч. *точить лясы* (*балясы, балы*), укр. *точить ляси* (*баляси, баляндраси*) «заниматься пустой болтовней, сплетнями», от исконного *балясы* — точеные столбики для перил, вытачивая которые, развлекались разговорами; *лясы* — узорчатая решетка, сетка, также изготавливаемая в сопровождении забавных и остроумных бесед. Рус. *бить баклуши* «бездельничать» получает в украинском параллель *байдики* (*байди, баглаї*) *бити*; оба субстантивных компонента (*баклуши // байдики*) затемнены по значению, имеют различное происхождение (*баклуши* — собственно русское, чурки, откалываемые от чурбана для изготовления деревянных поделок; *байдики* — очевидно, связано с *байда* — колода, чурбан, предполагается связь с детской игрой, однако обе фраземы построены по одной схеме, имеют общий компонент *бить // бити*, близки по звуковой организации.

Часть фразем с затемненным компонентом при калькировании может

утрачивать архаический характер, так сказать, осовремениваться. При этом становится прозрачной истинная или ложная внутренняя форма фраземы; попытки приблизить ее смысл к говорящим могут привести к серьезным семантическим трансформациям: просвечивается значение каждого компонента, устраняется многозначность, появляются дополнительные распространители — носители смысловых «добавок». Показательно в этом плане соотношение русской фраземы *попасть как кур во щи* и ее ближайшего украинского аналога (видимо, кальки) *упасти (ускочити) в біду як курка в борщ*. По мнению исследователей, приходится отказаться от связи фраземы *попасть как кур во щи* с лексемой *ощип* — производным от глагола *ощипывать* или с лексемой *щи* «кушанье»; более правомочно возводить происхождение оборота к попаданию *птиц в ловушку (щип, щан)*. Таким образом, как исконная рассматривается форма *попал как кур во щип (во щан)*, давшая при искажении образа *попал как кур во щи*. Одновременно допустим ряд фразем того же значения, близкой структуры: рус. *попал как ворона в суп, попасть как в борщ таракан*, укр. *улізти як півень у юшку, упасти як муха в окріп, заліз як муха в патоку (в сметану)*, связывающих эти обороты, с одной стороны, с попаданием птицы в пищу, с другой — с попаданием насекомого в ловушку.

Затемненные компоненты фразем могут восходить к старым иноязычным источникам, претерпевая значительные изменения как в плане выражения, так и в плане содержания; их современное употребление ничем не напоминает об этимологических корнях и базируется на восприятии, как правило, в связанном виде.

Русская фразема *мозги набекрень* «кто-либо с придурью, с причудами» имеет в своем составе наречие *набекрень*, употребляющееся в составе сочетания *шапка набекрень*. Относительно заимствованного характера компонента *бекрень* этимологи довольно единодушны, однако возводят его к различным источникам; по мнению В. М. Мокиенко, *бекрень* — от голландского глагола **bekregen* «склонять в сторону», пришедшего в русский через морское арго. В украинском известно наречие *набакир* «набекрень», однако в составе фраземы обычно выступает другое наречие — *шкереберть*:

мозок шкереберть [Мокиенко В.М., 2007: 234].

Как исконная характеризуется русская фразема *оставаться втуне* «быть без пользы, без применения» (*втуне* «напрасно, даром», ср. тунядец); украинский язык не знает такого наречия и соответствующий украинский оборот – *залишати (лишати) без уваги*.

Своеобразное преломление получили в украинском языке обороты, соотносительные с русскими фраземами, включающими наречия *насмарку, начеку*. Фразема *идти (пойти) насмарку* означает «оказываться безрезультатным, заканчиваться впустую» имеет компонент *насмарку* — собственно русское образование от *смарать* «стереть запись долга». В украинском этому обороту соответствует *сходити (зійти) нанівець*, повторяющее русск. *сходить (сойти) на нет*.

Специфична по происхождению фразема *быть начеку* «быть наготове, настороже»; В. М. Мокиенко связывает компонент *начеку* с русским диалектным *чекать* «ждать», имеющим прямые параллели в украинском (*чекати*) и белорусском (*чекаць*) языках; наряду с этим оборотом употребляются *быть настороже* (от *сторожа* «караул, сторожение»). В украинском, несмотря на близость глаголов *чекать // чекати*, используются обороты *бути наготові, бути насторожі*, этимологически более прозрачные, чем русск. *быть начеку*. Ср. также: собственно русское *увидеть воочию*, укр. *побачити на власні очі*, собственно русское *уйти восвояси*, укр. *іти (уйти) додому* и др.

Часть исконных фразем может получать однотипные устаревшие формы, восходящие к древнему состоянию языка. Ср.: *не до жиру, быть бы живу // не до жиру, аби живу* «не до богатства, не до роскоши, лишь бы выжить, иметь самое необходимое».

Следующую группу составляют фраземы, определяющие родственные отношения: русск. *нашему (соседскому) забору двоюродный племянник, седьмая вода на киселе, троюродной тетки двоюродный племянник*. Украинские фраземы могут иметь аналогичную структуру: *троюрідної тітки двоюрідний племінник, сьома вода на киселі*; но чаще они приобретают другой вид: *нашому*

забору двоюрідний плетінь (плетень), нашому забору сусідній тин, нашому забору сусідній перелаз. Это связано как с основным фонетическим принципом украинского языка – принципом благозвучия (укр. *милозвучність*), так и наличием в лексике украинского языка большого количества дублетов.

Отдельную группу составляют ответы родителей на вопросы детей: «А как я появился?» Ср.: укр. *підкинули в лікарні, знайшли в гарбузах (в городі, у капусті), журавель (на крилах) приніс, із кісточок у сливах (взяли), з груші струсили, котик приніс, лелека принесла*. Русские варианты ответов не настолько разнообразны. Наиболее распространенные – *в капусте нашли, в магазине купили, аист принес*. Очевидно, это является отражением культуры украинского народа, ее тесной связи с народным творчеством, сказками, песнями.

Широко представлена в русском и украинском языках фразеология, происхождение которой определялось занятиями, профессией, родом деятельности говорящих. Восходя к профессиональной, достаточно узкой сфере функционирования, такие обороты постепенно утрачивали закрепленность за речью, ограниченной цеховыми рамками, распространялись в разных слоях общества, постепенно закреплялись в народной фразеологии. Одновременно с утратой специализированного употребления шел процесс ослабления, стирания первоначального образа, обусловленного знанием того или иного ремесла; метафорическая основа иногда исчезает полностью, иногда сохраняется только частично, в более или менее завуалированном виде. Русский и украинский языки имеют обширную область общей фразеологии, порожденной производственной деятельностью человека. В то же время в силу различий ассоциаций, в меньшей мере в силу специфики трудовых процессов у двух народов сформировалась большая группа национально-ориентированных фразем профессионального происхождения.

Характерны в этом отношении судьбы достаточно частотных русских фразем *попасть впросак, сбоку припеку* и др. Фразема *попасть впросак* «оказаться в неприятном, неловком или невыгодном положении из-за своей оплошности или неосведомленности» — собственно русская, пришедшая из

речи ремесленников: первоначально *просак* — станок для скручивания веревок; в настоящее время первоначальное значение оборота не осознается. В украинском фразема получает ряд соотносительных фразеологизированных и однословных образований, однако они не связываются с профессиональной речью; ср.: *пошитися в дурні, ускочити в клопіт, сорому набратися, уклепатися, сплохувати, осоромитися* и др.

Наиболее древними и до сих пор весьма активно употребляющимися являются фразеологизмы, связанные с крестьянским трудом и бытом. Такие обороты, как *через пень колоду; наломать дров; не мытьём так катаньем; дым коромыслом; из кулька в рогожку; поворачивать оглобли; сума перемётная*, давно вошло во фразеологический фонд литературного языка. Число подобных выражений в диалектной речи поистине безгранично: *шилом хлебать* — «экономить»; *подковать сани* — «надуть»; *загнуть полозы* — «наказать, загибая ноги за голову»; *до него и шестом не достанешь* — «велик барин стал»; *между переехать* — «сделать что-либо такое, что вызовет ссоры»; *догнать батькину полосу до самого лесу* — «промотать все»; *березовицу точить* — «плакать». К «профессиональным» в широком смысле слова фразеологизмам можно отнести и обороты, связанные с устаревшими крестьянскими реалиями: *выобуть из самог в лапти* — «разорить»; *лаптем щипать хлебать* — «о неграмотном»; *на одном солнце онучи сушат* — «один другого стоит»; *на печи проезду нету* — «беспорядок»; *в печку свистнет* — «исчезнет, бесследно пропадет».

Русская фразеология постоянно пополняется и «профессиональными» сочетаниями, отражающими современные понятия. Такова, например, спортивная терминология (*нажать на все педали; принимать эстафету; быть в форме; брать барьер*) или терминология космонавтики (*достичь апогея; третий виток чьего-либо пути; втянуть в орбиту чьего-либо влияния; вывести на орбиту; выйти на орбиту; быть на орбите*) и др. Широкое освоение некоторой части современной «профессиональной» терминологии показывает мобильность фразеологического фонда, опровергая распространенные утверждения о пассивности «современной городской цивилизации» при фразеотворчестве.

Детализированная классификация фразеологии по профессионально-тематическому признаку могла бы дать точное представление о роли той или иной терминологии при создании фразеологизмов в разные эпохи. Однако она не обеспечивает строгой дифференциации их структурно-языковой и образной специфики. Не менее важно, как кажется, разграничивать сочетания на две различные группы по «социальному» признаку: 1) фразеологизмы, отражающие реальное профессиональное содержание (*снять стружку; закинуть удочку; тянуть канитель*); 2) фразеологизмы, содержание которых обусловлено общей социальной оценкой той или иной профессии (*напился как сапожник; чернильная душа; приказной крючок; взятки гладки*).

Фразеологические единицы первой группы, связанные со специальной (широко или узко известной) терминологией, создаются в профессиональной среде, отражают язык этой среды. Не случайно внутренняя мотивировка таких сочетаний часто требует особого комментария: *попасть впросак; тянуть лямку; проходить красной нитью; вешать нос на квинту*.

Фразеологизмы второй группы лишь отражают оценку той или иной профессии со стороны, непрофессионалами, что и создает особую экспрессивность такого фразеологического ряда. Затемнение мотивировки образа фразеологизмов этой группы ведет к их быстрому оттеснению на языковую периферию и исчезновению: *склизкие голяшки* – «приказный»; *старый юс* – «опытный приказный».

Ученые обычно смешивают эти две принципиально различные группы фразеологизмов. Так, Л.Г. Скрипник совместно описывает «ремесленные» украинские сочетания, относя, например, к «чумацкому ремеслу» сочетание *чумак с сіллю (возом) перекинувся* – «о чем-либо соленом» и *збиратися як чумак по сіль* – «очень долго» наряду с оборотом *у Крим по сіль* – «никуда» [Скрипник Л.Г., 1983: 163]. Между тем фразеологизмы обеих групп, выделяемые по «социальному» признаку обнаруживают существенное различие в экспрессивности: сочетания второй группы обычно подчеркнута отрицательны, в то время как обороты с реальным профессиональным содержанием нередко лишь более образно и ярко описывают какое-нибудь

явление. Не случайно «социально» окрашенные фразеологизмы часто выступают как устойчивые сравнения (русс. *напился как сапожник*), оценочность которых обеспечивается самой их структурой.

Разграничение «профессиональных» и «социально-оценочных» фразеологизмов существенно для понимания специфики образности фразеологии. Образность сочетания первой группы непосредственно связана с профессиональной терминологией. История оборотов не *всякое лыко в строку*; *на живую нитку*; *на мази*, например, показывает, как в процессе фразеологической «обкатки» узкоспециальный образ становился все более обобщающим. Образность же фразеологизмов второй группы связана с профессиональной терминологией опосредованно. Здесь образ должен быть весьма актуален в социальной среде именно в момент создания фразеологизма.

Фразема *сбоку припека (припеку)* «о чем-то ненужном, постороннем» - собственно русская, из речи пекарей: *припек* – кусочек теста, припекшийся к боку мучного изделия. В украинском языке этому обороту в содержательном плане соответствует фразема *п'яте колесо до воза*, соотносимая с иной сферой деятельности; ср.: русск. *пятое колесо в телеге*; предполагается, что последняя фразема является калькой с немецкого; не исключается, что украинская фразема получена через посредство русского языка.

Не менее своеобразны и многие украинские фраземы, почерпнутые из речи ремесленников. Например, *три чисниці до смерті* «о человеке, близком к смерти; о чем-нибудь старом, слабом, немощном» (*чисниця* — десятая часть (три нитки) пряжи); оборот получает украинские параллели *недовго ряст топтати*, *на ладан дихати*, имеющие иную смысловую основу; в русском фраземе соответствуют обороты книжного происхождения *дни сочтены*, *не жилец на этом (белом) свете*, *на ладан дышать*.

Затемнено первичное значение фраземы *утяти (утнути) до гапликів (до гаплика)* «сделать или сказать что-либо неуместное», возводимой к речи, связанной с древним портняжным мастерством (*гаплик* — металлический крючок, застежка на одежде, из старопольского). В русском этой фраземе соответствуют образования иного происхождения: *выкинуть (отколоть)*

коленце, выкинуть (отмочить) шутку, выкинуть номер и др.; ср.: укр. *викидати колінця, устругнути (утнути, стругнути) шутку, викинути (викидати) коника (коники)*.

Значительная часть фразем из профессиональной речи имеет в двух языках общее происхождение, строится по одной схеме, с использованием компонентов той же тематической группы. Ср. русск. фраземы *на один покрой, на один пошиб, на одну колодку* и укр. *на один штиб, на один копил* очень похожи друг на друга и имеют общие источники происхождения и образования (*копил* - деревянная колодка для изготовления обуви); укр. *переводити стрілки/* русск. *переводить стрелки* («перекладывать вину на другого») - возможно, из жаргона железнодорожников; *лить колокола* («обманывать») – от обычая рассказывать сказки во время отливки колоколов.

Ряд фразем связан с остроумными высказываниями из анекдотов, шуток и других жанров народного устно-словесного творчества: *не к соли, вышел пишик, растут груши на вербе*; укр. *прибути на піштобусі (пішкобусі), приїхати одинадцятим маршрутом* («прийти пешком»); русск. *дать пешкаря, приехать одинадцатым маршрутом, приехать на автопятках* с тем же значением. Особого внимания заслуживает фразема *прибути на пішкарусі*, окказиональная по своему происхождению, связанная, по всей видимости, с использованием автобусов марки «Ikarus» в качестве основного средства перевозок. Меткий народный юмор жителей России и Украины соединил в одно выражения «прийти пешком» и «прибути на Ікарусі».

В особую группу можно выделить фраземы, связанные с местными реалиями (названиями улиц, достопримечательностями и пр.): ср. укр. *пора на Пашковського* («о сошедшем с ума») – в г. Мариуполе на ул. Пашковского находится психиатрическая лечебница; русск. *пора на Новую* с тем же значением — в г. Белгороде данное заведение находится на ул. Новой.

Полностью соотносимы фраземы библейского происхождения. Как правило, здесь наблюдается параллелизм архаических форм. Ср.: *притча во языцех // притча во язицех* – «предмет общих разговоров»; *во время оно // во врем'я оно* - (давно колись, за давніх часів) – «когда-то очень давно, в далеком

прошлом»; *темна вода во облацех // темна вода во облацех* – «о чем-либо непонятном, необъяснимом».

Значительная часть фраземики двух славянских народов, сформированная вековыми контактами русского и украинского народов, отождествима с фраземикой соответствующих литературных языков, что говорит, с одной стороны, об общности восприятия мира народами-соседями, а с другой - о влиянии соответствующего этноязыкового сознания на «моделирование» фразеологической картины мира. Весомую группу составляют межъязыковые фразеологические кальки или полукальки, т.е. единицы украинского и русского языков, совпадающие и по форме, и по значению.

Но в то же время в процессе исторического развития один из вариантов может изменить свое значение или расширить его. Так, русская фразема *коровам хвосты крутить*, очевидно, калькированная с украинской фраземы *коровам хвосты крутити* («выполнять грязную и неквалифицированную работу»), получила отличную семантику – «работать ветеринаром в сельской местности». А из фраземы *дать джосу* («дать взбучку»), образовавшейся вследствие силовой акцентировки произношения из *чёсу дати* [Ларин Б.А., 1977: 160], образовалась фразема *дать джазу* с двумя значениями: 1. Дать взбучку; 2. Начать веселиться.

Замкнутую группу составляют русские и украинские фраземы, построенные на повторах основ, слов, составляющих одну или разные части речи. Среди этих фразем выделяются глагольные сочетания с наречиями, выполняющими усилительную функцию. Ср.: русск. *лежмя лежать, ревмя (ревма) реветь, давмя давить, ливмя лить*; в украинском усилительные слова могут иметь аналогичную структуру: *лежма (ліжма, легма, лігма) лежати, ревма ревіти (ревити)*. Однако украинские фраземы чаще, чем в русском языке, приобретают другой вид: *ливнем (ливнем) лити, як з відра лити* и др. Другая часть образуется по образцу отыменных наречий: *криком (на крик) кричать // криком кричати, ходуном (ходором) ходить // ходором ходити*. Следует обратить внимание на специфичные усилители, свойственные исключительно тавтологическим оборотам: *битком набить (набито) // напхом напхати (напхом напхано, повно-*

повнісінько).

Русская и украинская фраземика прошли длительный и сложный путь развития, характеризуемый как общими, так и специфическими для каждого языка процессами и тенденциями. Даже та часть фразеологического материала двух языков, которая имеет общие источники образования, в ходе исторических преобразований приобретает новое качество, обусловленное отличиями в лексическом наполнении, звуковой организации, структурном устройстве соотносительных фразем. Значительный удельный вес составляют национально ориентированные фраземы, отразившие особенности быта, обычаев, традиций, верований каждого народа, историко-культурный компонент. Существенные отличия обнаруживаются в мотивационной базе, внутренней форме фразем, характеризующих одни и те же понятия объективной действительности, но предлагающие их различную интерпретацию.

Таким образом, развитые фразеологические системы русского и украинского языков говорят как о богатстве самих языков, так и о многообразии языковой картины мира каждого народа. Выявление национально-культурных особенностей русской и украинской фраземики важно при сопоставлении фразем и помогает обогатить образные ресурсы жителей соседних стран и регионов, а также позволяет понять своеобразие мировидения с точки зрения родственной языковой системы.

2.3. Проблемы эквивалентности фразеологических единиц с экзотическим компонентом

Актуальной переводческой проблемой является перевод фразеологических единиц, сохраняющих, по определению Е. Селивановой, «в устойчивой форме представления этноса о мире, культурную, историческую и мифологическую интериоризацию действительности и внутреннего опыта народа» [Селиванова Е.А., 2004: 11]. Фразеологизмы являются своеобразной этнокультурной рефлексией говорящего в коммуникативной ситуации, поскольку он сознательно или несознательно соотносит личное эмоционально-оценочное отношение и ценностную ориентацию с содержанием знака, а образное содержание оборота с эталонами и стереотипами национально-культурного восприятия и понимания мира [Селиванова Е.А., 2004: 11]. Переводу фразеологизмов уделено внимание в работах теоретиков романо-германского перевода (В.С. Виноградова, Е. Бреус, И. Алексеевой, С. Кузьмина, А. Утробинной, Р. Зоривчак и др.); практически обойден вниманием этот вопрос в незначительном количестве работ, посвященных славянскому, в частности русско-украинскому переводу. Оптимальное переводческое решение при переводе фразеологизмов В.С. Виноградов видит в поиске идентичной единицы в языке перевода: «в переводе необходимо сохранить смысловое, эмоционально-экспрессивное и функционально-стилистическое содержание, которое передавалось соответствующим устойчивым словосочетанием в контексте оригинала» [Виноградов С.В., 2006: 184]. Фразеологизмам оригинала, по мнению В.С. Виноградова, в языке перевода могут соответствовать устойчивые обороты, отдельные слова и свободные словосочетания, обладающие эквивалентным объемом информации [Виноградов С.В., 2006: 186].

Сохранить национальное своеобразие устойчивого сочетания - задача особой трудности для переводчика. И. Кашкин писал, что ощущение чужеземности в переводе достигается не внешней формальной экзотикой, не поверхностным копированием чужезычия, а путем глубоко понятой и чутко

переданной сути, в которой заключена национальная особенность оригинала [Виноградов С.В., 2006: 186].

Для ряда ФЕ в целом характерно уникальное национально-культурное значение, в других случаях национально-культурное своеобразие создается безэквивалентной лексикой, входящей в ФЕ [Левченко Е.П., 1992: 104]. Безэквивалентная лексика - совокупность лексем определенного языка, которые не имеют однословных соответствий в другом языке при переводе и в большинстве случаев обозначают специфические для определенного этноса явления материальной и духовной культуры, общественной жизни, науки, техники и т.п. [Селиванова Е.А., 2006: 617].

В русском и украинском языках представлена большая группа фразеологизмов с экзотическим компонентом, однако выделяется незначительное количество безэквивалентных ФЕ, что объясняется близкородственностью самих языков, а также историческими, экономическими, культурными связями двух славянских народов. Возникновение таких фразеологизмов связано с определенными обычаями, традициями, историей, бытом, мировоззрением народа. Так, в украинском языке с семейной жизнью связано формирование ряда ФЕ, не имеющих эквивалентов в русской фразеологии. Значительную роль в жизни украинской девушки играла подготовка к сватовству, свадьбе, замужеству, что нашло отражение в оборотах: *готувати (дбати) скриню (рушники)* – «збиратися одружуватися з ким-небудь (про дівчину, жінку)» *рушники тчуться* – «дівчина готується заміж»; *вернутися з рушниками* – «засватати дівчину», *ставити (становити) на рушник* – «одружувати», *стати на рушнику* – «взяти шлюб, одружитися».

При переводе данных фразеологизмов на русский язык целесообразно использовать для передачи реалии транслитерацию и транскрипцию, сопровождая их перифрастическим оборотом или комментарием: девушка готовится к свадьбе – вышивает рушники. Рушник – важный атрибут украинских обрядов; символ домашнего очага, материнского благословения; «в свадебных обрядах рушник считается залогом счастья, хорошей

супружеской жизни». У русских свадебная церемония определяется словосочетанием *сыграть свадьбу*, его украинский эквивалент — *справляти (справити, відбути) весілля*.

С обрядом сватовства в украинцев связан шуточный фразеологизм *давати (підносити) (печеного) гарбуза* — «жарт. відмовляти кому-небудь у сватанні, залищанні». У русских же *тыква* ассоциируются с головой глупого человека. Этнографы утверждают, что наряду с *тыквой (гарбузом)* символическим знаком отказа в украинцев служил макогон: *облизати м'яло (макогона)* — ироническое: «зазнати невдачі» (ср.: бел. *товкач облизати*). Отрицательный модус мотивирует значение фразеологизма *облизати як (мов) м'яло (макогон)* — «хто-небудь у поганому настрої, невеселий після якоїсь невдачі». В русском языке отказ девушки жениху фиксирует фразеологизм *от ворот поворот*, имеющий в языке и более широкое значение — «категорический отказ, отрицательный ответ на просьбу, обращение и т. п.». Межъязыковыми синонимами данного фразеологизма в украинском языке также являются устойчивые словосочетания *завертати голоблі, дати відкоша*.

После свадьбы украинская женщина обязана покрывать голову (носить платок). Эта традиция нашла отражение во фразеологизме *покривати голову (косу)* — этн. «одружуватися з ким-небудь (про дівчину, жінку)». Важное событие в украинской семье — рождение ребенка, особенно широко праздновался обряд крещения: *полоскати повивач* — этн. «пити спиртне після хрестин». При переводе на русский язык этих ФЕ, на наш взгляд, можно использовать прием калькирования для сохранения украинского колорита, дополнив его описательным оборотом (указанными выше дефинициями фразеологизмов).

В России широко было распространено ремесло обдирания коры из липы — отсюда ФЕ *ободрати (обобрать, обчистить, облупить) как липку* — «отбирать, отнимать все дочиста у кого-либо; грабить». В украинском языке существует фразеологизм с тем же значением *оббілувати (обідрати, обчистити), як білочку (білку)* — ироническое: «забрати у кого-небудь якесь багатство; відібрати все у когось», однако связан он с ремеслом охотника.

Значительное количество русских ФЕ отображают процесс использования *лыка* — «внутренней части коры молодых лиственных деревьев (преимущественно липы), а также куска, полоски такой коры»: *всякое лыко в строку* — «просторечное: любая, каждая ошибка вменяется в вину, ставится в упрек» (ср.: укр. *кожна помилка ставиться в докір*), изначально: *не всякое лыко в строку* — *не всякое лыко годится для плетения лаптей* (*строка* — каждая полоса в лапте) и украинское соответствие: *не кожна помилка ставиться в докір*; *лыком шит* — «неотесанный, не имеющий знаний, простой»; *не лыком шит* — «прост.: не хуже других в каком-либо отношении; не лишен знаний, способностей».

Последнему фразеологизму соответствует украинский с тем же значением, но имеющим другую образную основу *не в тім'я битий*, являясь эквивалентом и еще одного русского фразеологизма *не лаптем щи хлебать* — «быть не хуже других в каком-либо отношении». Просторечному русскому фразеологизму *лыка не вяжет* — «так пьян, что не в состоянии связно говорить» соответствует украинский *язика (язиком) не поверне*.

Одежда или детали одежды, связанные с определенным историческим периодом, стали компонентами русских и украинских фразеологизмов. От старинного значения слова *шиворот* — «расшитый воротник», какой был в большой моде в Московской Руси в XVII в. — произошел ФЕ *шиворот-навыворот* — «1. В обратном порядке; в противоположном направлении, наоборот; 2. Не так, как следует, не так, как полагается». *Шиворот* — расшитый воротник боярской одежды — был одним из знаков достоинства вельможи. Во времена Ивана Грозного боярина, подвергшегося царскому гневу и опале, сажали на тощую клячу спиной вперед, надев на него одежду наизнанку, т.е. шиворот-навыворот (наоборот). Само слово *шиворот* возникло из шив — ворот, где *шив* — др. русское *шея*. При переводе ФЕ следует использовать описательный оборот *не так як треба (як слід)*.

Свою историю имеет и украинский фразеологизм *видно (знати, пізнати) пана по халявах*: пан (господин) имел гайдуков дворовую охрану, — которые носили сапоги с высокими голенищами, украшенными кистями (кутасами),

цвет которых определял пан. По цвету этих кистей было легко определить: у кого служит гайдук [Скрипник Л.Г., 1983: 163]. С тем же значением употребляется русский фразеологизм *видно (видать, узнавать) птицу по полету* – «видно, каков человек, судя по его поступкам, делам, поведению».

Древнее ремесло чумаков оставило след в украинской фразеологии: *чумак з сіллю (возом) перекинувся* — говорят о чем-то очень соленном; *збиратися, як чумак по сіль* – «очень долго», в шутливом ответе на вопрос «*Куди йдеш?*» — «*У Крим по сіль*». Украинская лексема *чумакувати* имеет переносное значение: «перебувати в довгих від'їздах». Для сохранения украинского национального колорита можно калькировать ФЕ, снабдив их послетекстовым историческим комментарием: *чумак* — в XV-XVIII вв. на Украине: крестьянин, занимающийся перевозкой и продажей соли, рыбы и др., или описательным оборотом. Хорошо также известно украинско-русское соответствие *чумацький шлях (дорога) - млечный путь*.

Фразеологический фонд русского и украинского языков пополнился выражениями популярных в народе игр, развлечений, гаданий. Во время святочных забав в числе действующих лиц был ряженный, окутанный гороховой соломой. В конце Масленицы возили соломенное чучело шута горохового. Гороховой соломой украшали себя и скоморохи. Отсюда *разыгрывать (разыграть) шута горохового* – «прост. поясничать, дурачиться». Первоначально *шут гороховый* – «пугало на поле, засеянном горохом», в последствии ряд ФЕ: «1. Пустой человек, чудака, служащий всеобщим посмешищем; 2. прост. Бранное выражение в адрес кого-либо; 3. Смешно, некрасиво или старомодно одетый человек». В украинском языке данному фразеологизму соответствует синонимический ряд слов с отрицательной оценкой: *опудало, одоробло, одоробало, блазень, штукар*. Отрицательная оценочность слов-соответствий компенсирует в переводе отсутствие фразеологизма-эквивалента.

Фразеологизм *играть в бирюльки* – «заниматься пустяками, даром, попусту тратить время» - произошел от названия старинной игры, заключающейся в том, что из беспорядочно разбросанных бирюлек

(крошечных лопаток, топориков, рюмочек, бочоночков, корзинок) нужно было втащить маленьким крючком одну, не задев остальные. Данный фразеологизм на украинский язык переводится словосочетаниями: *бавитися дурницями* (дурницею), *займатися дурницею*, *гаяти* (марнувати) час. Русскому фразеологизму *жив курилка* – «кто-либо существует, действует, проявляет себя» (от старинной народной игры, в которой с возгласом: “Жив, жив курилка!” передают друг другу горящую лучину, пока она не погаснет) - соответствуют эмоционально окрашенные (восклицательные) предложения: *Ще живий! Нічого не сталося!*

Полисемичный фразеологизм *бобы разводит* — «1. Болтать, вести пустые разговоры; пускаться в отвлекающие от чего-то разговоры; 2. Канителиться, тянуть. Делать что-либо медленно; заниматься пустяками» (первоначально предсказывать что-либо при гадании на бобах, раскладывая их определенным образом) в первом значении имеет фразеологизмы-эквиваленты *теревені правити* (розводити, точити); *баляндраси правити* (торочити); *баляси* (ляси) *точити* (ср.: русск. *точить лясы*); во втором значении переводится свободными словосочетаниями *розводити тяганину*; *марнувати* (*гайнувати*) час или одним из синонимов ряда: *марудитися*, *воловодитися*, *волинити*.

Вторую группу составляют ФЕ, имеющие в своем составе отдельные лексические компоненты, носящие национальный характер: географические названия, наименования предметов быта, зоонимы и фитонимы.

Фразеологизм *во всю Ивановскую* – «очень громко (кричать, храпеть и т. п.)» произошел от выражения *звонить во всю Ивановскую* - во все колокола колокольни Ивана Грозного в московском Кремле и *кричать во всю Ивановскую* - от названия Ивановской площади в Кремле, где в старину оглашались царские указы. На наш взгляд, уместными будут следующие варианты перевода данного фразеологизма: *на все горло* (*на всю горлянку*) *кричати* (*співати*); *горлати на все горло*.

Казанская сирота – «человек, прикидывающийся несчастным, обиженным, беспомощным и т. п., чтобы разжалобить кого-либо» — говорили

первоначально о татарских мирзах (князьях), старавшихся после покорения Казанского царства русскими (во времена Ивана Грозного) получить от русских царей всевозможные поблажки, жалуясь на свою горькую участь». Иногда в украинских переводах встречается калька, что не оправдано при наличии украинского эквивалента *святий та божий* – «удавано добрий, лицемірний, тихий».

Выражение *коломенская верста* – «человек очень высокого роста; верзила» - возникло из нелестного уподобления или сравнения долговязого человека с высокими верстовыми столбами, расставленными между Москвой и селом Коломенским - летней царской резиденцией, в царствование Алексея Михайловича [ФСРЯ, 1986: 60]. В украинском языке как эквиваленты выступают фразеологизмы *верства келебердянська, пирятинська, чугуївська* – «дуже висока на зріст людина», в их структуре использованы национальные украинские географические названия; а также в роли соответствий используются универбы с суффиксами субъективной оценки *здоровань, здоровило*.

Национальные предметы быта часто являются компонентами украинских фразеологизмов. Так, *макітра* – «вид глиняного посуду великого розміру напівсферичної форми з широким отвором», асоціюючись у українців з головою человека, встречается во фразеологизмах, определяющих его умственные способности: *макітра розуму* - шутливое: «хто-небудь дуже розумний, розсудливий, кмітливий і т. ін.» (русск. ироническое: *ума палата*); *макітра варить* — «хто-небудь розумний, кмітливий, добре розуміє що-небудь» (русск.: *голова варит, котелок варит*); *макітра зварила* — «хтось правильно, розумно вирішив, вдало зробив щось, додумався до чогось»; *мати (не)порожню макітру на плечах* – «бути розумним, розсудливим» (русск.: *голова на плечах, (кто-либо) с головой, с царем в голове, светлая голова*); *замакітритися* – «запаморочитися» (русск.: *мутится в голове, мутится свет в глазах, голова закружилась*); *голова замакітрилась* – «розгубитися, бути приголомшеним» (русск.: *голова идет и ходит (пошла) кругом*); *голова як макітра* – «заклопотаний» (русск.: *голова как пивной котел; голова полна*

забот); *горобці в макітрі цвірінькають* (русск.: *забубенная (шальная) голова*); *втoвкти в макітру* — зневажливо «частим повторенням чи поясненням спонукати кого-небудь зрозуміти щось; 2. переконати, запевнити». Умственные способности человека характеризуют фразеологизмы с компонентом *казан* — «великий чавунний або мідний котел для приготування їжі; жарт.: голова людини»: *у нього казанок (не) варить* (ср.: русс. *котелок (не) варит* — «кто-либо (не) сообразителен, догадлив, понятлив»).

Глек, глечик — «велика й висока кругла посудина, трохи розширена в нижній частині» стала образной основой фразеологизмов *глек (глека, горщик, макітру) розбити; побити глек* (глечики, горшки) — «посваритися, припинити дружні стосунки»; «розірвати сімейні узи, розлучити». Близкий по значению рассмотренным ФЕ русский фразеологизм *черная кошка пробежала (проскочила) между кем-либо* — «произошла ссора, размолвка», однако имеющий другую структуру и образную основу. Оба фразеологизма связаны с приметами: *разбитая посуда* - к ссоре; *черная кошка* — к несчастью. Шутливо-иронический фразеологизм-прибаутка *нате і мій глек на капусту* употребляется, когда кто-либо неожиданно или без разрешения встряет в дело или разговор (ср. с русской поговоркой: *не к вам барабан, так и не пляшите*).

Печь — важный предмет в быту обоих народов. В украинской мифологии *піч-мати* — «образ-тотем давніх українців, які особливо шанували вогонь і піч як захисник вогню». Печь стала компонентом русских просторечных иронических выражений: *от печки* — «снова, с самого начала делать что-либо»; *танцевать от печки* — «начинать с привычного простого, повторяя все действия с самого начала» (*танцювати від печі*); *печки-лавочки* — «близкое короткое знакомство». Русская ФЕ *лежать на печи* — «совсем ничего не делать, бездельничать» — соответствует украинским словам *вилежуватися, ледарювати, байдикувати* и обороту *байдики (байди бити)*.

Человек всегда сравнивает себя с миром животных. Это нашло отражение как в русской, так и в украинской фразеологии. Однако существуют различия в частотной представленности того или иного животного во ФЕ, в оценке животных, что, видимо, связано с той ролью, какую отводит ему

определенный народ. Не зафиксирован ни один ФЕ с компонентом жаба во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (в разговорной речи встречается *жаба давит (задавила)*), во фразеологических словарях украинского языка зафиксировано с данным компонентом значительное количество ФЕ, имеющих отрицательную оценочность: *жаба цицьки (циці, пити) дасть* — «хто-небудь загине, потрапивши в складні незвичайні умови; 2. Кому-небудь буде дуже важко, хто-небудь не зможе домогтися чогось»; *(холодна) жаба сидить під серцем* — «кого-небудь охоплює передчуття поганого неприємного»; *як жаба на купині* — «зі словом розсістися. Дуже зручно, вільно, займаючи багато місця; не стримуючись, без обмеження; зі словом надутися, напирдитися дуже, надто (про пихату, набундючену людину)» (ср.: русск: *как мышь на крупу*). Физиологическое состояние человека отражает ФЕ *ні рак, ні жаба* — «дуже п'яний» (ср. русск: *до чертиков, в стельку*). Пространственные отношения в украинском языке передают ФЕ *(старій) жабі по коліна* — «неглибоко, зовсім мало»; количественные: *із (на) жаб'ячий скік* — «дуже мало» (ср. русск: *как кот заплакал, с гулькин нос*).

Словарь фразеологизмов русского языка не фиксирует ФЕ с компонентом *жук*. В украинском фразеологическом фонде представлены ФЕ с этим компонентом: *битий жук* — фамильярное: «бувала з великим життєвим досвідом людина, яку важко перехитрити, обманути (ср.: стріляний горобець (вовк, звір, птах)», а также русск. *стрелянный (обстрелянный, старый) воробей (волк, птица), травленный волк, тертый калач*); *жуки в голові* — «у кого-небудь не все гаразд з розумовими здібностями»; тождественное значение имеют русские фразеологизмы: *голова соломой набита, ветер в голове бродит, каша в голове, солома в голове, без царя в голове; пустити жука* — «зробити щось неприємне» (ср. русск. *пустить козла в огород*).

Хорош гусь, гусь лапчатый — так в разговорной речи русские неодобрительно называют «хитрого, ловкого человека; плута, пройдоху»; у украинцев такой человек: *хитрик, хитромудрий, хитродум*. Влиятельный человек, занимающий видное положение в обществе, у русских и украинцев

ассоциируется с птицей (*птица високого полета; важная птица; знатна птиця*); в украинцев также с рыбой (*велика риба* – «вливовая людина, поважна особа», ср. также *велике цабе*).

До появления в России картофеля, репа — самый распространенный овощ, входивший в повседневный рацион крестьян. Обыденность репы, простота ее приготовления, дешевизна стали основой фразеологизма *проще пареной репы* (ср. также поговорки *репой да брюквой люди не хвалятся; капуста да репа брюху не крепа*). В украинском языке русскому фразеологическому обороту соответствует словосочетание *простіше простого*.

Украинскому фразеологизму *у реп'яхах*, которое со словом *у боргах* употребляется для подчеркивания большого количества чего-либо, соответствует иронический русский фразеологизм *в долгах как в шелках*. Назойливость у украинцев ассоциируется с репеем или смолой: (*пристав*) *як реп'ях (до кожуха) (реп'ях* — в переносном значении: «причіплива людина»), (*пристав*) *як смола до воза, (пристав) як шевська смола*, у русских — с банным листом: *пристал как банный лист* – «неотвязно, назойливо, надоедливо».

Фитонимы используются русскими во фразеологизмах со значением психо-эмоционального состояния, имеющих яркую эмоционально-экспрессивную окрашенность: *вот так клюква!* — просторечное «выражение удивления, разочарования и т. п.; синонимично *вот так штука, вот так фунт!*». Ему соответствуют украинские эмоционально-экспрессивные выражения: *от тобі й на! от тобі й маєш! отакої! туди до біса!* Говоря о чем-то неправдоподобном, небылице, выдумке, русские употребляют оборот *развесистая клюква*; а украинцы *на вербі груші*. Украинская ФЕ *червоний як (мов) рак* переводится соответствиями *красный как рак* и *красный как клюква*. Выражение досады, восхищения, недоумения и т. п. передается русскими фразеологизмами *елки-палки, елки зеленые*, которым в украинском соответствуют: *от так так! оце так! отакої! отуди к лихий годині! отуди до біса! отака ловись!*. ФЕ *еловая голова* в просторечии – «глупый, бестолковый

человек» является эквивалентом украинского фразеологизма, имеющего ту же структуру и стилистическую маркированность: *дурна (капустяна, садова) голова. Малина* – сладкая ягода, вызывающая положительные ассоциации у россиян: *не жена, а малина; девочка, что малинка; малиночка* — эпитет жениха в величальных свадебных песнях. Оптимистическая тональность малиновой символики передается русскими просторечными выражениями: *разлюли малина* — прост. «1. Очень хорошо, замечательно; 2. Очень хороший, замечательный»; *жизнь - малина* - хорошая, обеспеченная, вольная жизнь. В украинском переводе данные фразеологизмы передаются свободными словосочетаниями.

Таким образом, при переводе фразеологических единиц с национально-культурным компонентом важно сохранить смысловую, коннотативную (оценочную, эмоциональную, экспрессивную, стилистическую) и функциональную информацию оригинала. Фразеологизму оригинала может соответствовать фразеологизм, свободное словосочетание (описательный оборот) или слово перевода, обладающие эквивалентным объемом информации. Перспективным является дальнейшее изучение приемов перевода различных типов фразеологизмов на материале русского и украинского языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеология считается областью языка, которая в наивысшей степени отражает культуру народа-носителя данного языка. Поэтому ряд проводимых фразеологических исследований направлен на изучение этнокультурного своеобразия фразеологии того или иного языка. Так как специфика любого явления лучше всего выявляется путем его сопоставления с аналогичными явлениями, этнокультурная специфика фразеологии является предметом исследований сопоставительной фразеологии.

Русская и украинская фраземика прошли длительный и сложный путь развития, характеризуемый как общими, так и специфическими для каждого языка процессами и тенденциями. Даже та часть фразеологического материала двух языков, которая имеет общие источники образования, в ходе исторических преобразований приобретает новое качество, обусловленное отличиями в лексическом наполнении, звуковой организации, структурном устройстве соотносительных фразем. Значительный удельный вес составляют национально ориентированные фраземы, отразившие особенности быта, обычаев, традиций, верований каждого народа, историко-культурный компонент. Существенные отличия обнаруживаются в мотивационной базе, внутренней форме фразем, характеризующих одни и те же понятия объективной действительности, но предлагающие их различную интерпретацию.

В данной работе анализу подверглись основные и наиболее характерные факты общего и дифференциального в структуре фразеологических систем русского и украинского языков. Во фразеологических системах обоих языков проявляются и действуют элементы, с одной стороны, общие для обоих языков, а с другой – национально-самобытные, специфические для данного конкретного языка.

Результаты изучения ФЕ в проекции на межъязыковое сопоставление свидетельствуют о том, что каждый из двух восточнославянских языков является национально-уникальным, что этнолингвистическому сознанию народов-носителей языков свойственна своя специфика.

Стилистическая общность изучаемых языков выражается в наличии общих языковых категорий, родственных экспрессивных возможностей фразеологизмов. Аналогичный характер функциональных стилей в обоих языках обеспечивает единую классификацию фразеологического состава: в обоих языках соотносятся нейтральный, книжный и разговорный пласты фразеологии. В русском и украинском языках характер и соотношение этих пластов имеет много общего, хотя и не даёт полного параллелизма: общий характер нейтральной фразеологии украинского языка по сравнению с русским даёт сдвиг в сторону разговорной речи, а пласт книжной фразеологии русского языка представлен несколько шире, чем в украинском. Благодаря своей экспрессии и образности разговорно-просторечные ФЕ в каждом языке своеобразны, в связи с чем полных эквивалентов наблюдается очень мало; многие фразеологизмы не имеют соответствий в украинском благодаря своеобразию компонентов, образующих эти ФЕ. Частичная несоотнесённость русских и украинских фразеологизмов наблюдается и в тех случаях, когда, например, одной ФЕ русского языка соответствуют варианты украинской ФЕ с различной стилистической окраской.

В зависимости от типа русско-украинских эквивалентов значение может быть передано в другом языке различными способами. Наиболее удачной можно считать эквивалентную передачу значения фразеологизма путём подбора ФЕ близкой стилистической окраски.

Сопоставительное исследование ФЕ, наряду с глубоким и всесторонним анализом фразеологического богатства языков, позволяет решить целый ряд очень важных и сложных вопросов, касающихся значимых единиц языка, в целом, характера лексического значения слова, соотношения лексической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования и этимологии, ряда проблем орфографии, стилистики, языка художественной литературы, а также адекватной передачи ФЕ средствами другого языка.

Общий фразеологический фонд русского и украинского языков значительно преобладает над БФЕ, что обусловлено генетической, исторической, культурной общностью исследуемых языков.

Фразеологическая система (как знаковая система) состоит из центра и периферии. Периферию системы составляют факультативные знаки. Их специфика состоит в узкой сфере функционирования, в слабой связи знака и обозначаемого смысла, в существовании нескольких знаков для выражения одного и того же смысла.

Также в работе было определено, что БФЕ основана на этноспецифическом комплексе информации (аналоги являются примером «образной» безэквивалентности). Кроме того, ФЕ считается безэквивалентной, если её значение в другом языке передаётся лексемой, свободным сочетанием, предложением.

На основе проведённого сопоставительного анализа фразеологизмов русского и украинского языков можно сделать вывод о большой близости ФЕ обоих языков как в плане содержания, так и в плане выражения, а также об общих тенденциях и закономерностях организации ФЕ русского и украинского языков. Фразеологические единицы как специфические единицы языка занимают одинаковое место в системе как русского, так и украинского языков, выполняя одни и те же функции.

В контексте современной общественно-политической ситуации, когда украинский язык стал государственным языком Украины, в условиях билингвизма, например, в Донецком регионе и т. п. особую значимость приобретают вопросы взаимовлияния русского и украинского языков.

Материальная и духовная жизнь братских народов – это тот экстралингвистический фон, на котором и языковые особенности.

В процессе исторического развития у украинцев и русских выработались единые формы мышления, сложилась определённая система восприятий, появилось много общего в социальном развитии, в культуре. Всё это, естественно, порождает сходство в лингвистической сегментации мира. Языковые контакты между нашими народами в политическом, экономическом, научном уровнях, взаимоотношения между людьми в области литературы и искусства, переводы художественных произведений и средства массовой информации способствуют процессам фразеологических заимствований, что,

конечно, ведёт к появлению общего русско-украинского фразеологического фонда.

Фразеологизму, как известно, присуща функция фиксации и накопления в его семантике общественно значимого опыта. Наличие же общего русско-украинского фразеологического фонда позволяет глубже представить те особенности быта и традиции, которые объединяют русских и украинцев.

На современном этапе развития русского и украинского языков, особенно в условиях билингвизма, значительно активизировался процесс интернационализации словарного состава языков, являющийся результатом интернационализации национальной. В русском и украинском языках постоянно растёт количество элементов национального характера, в частности фразеологических. В первую очередь эти интернациональные элементы отражаются в языке средств массовой информации (например, *прийти к консенсусу – прийти до консенсусу*).

Под влиянием научно-технического прогресса в языки вливаются фразеологические неологизмы терминологического происхождения (*высший пилотаж – вищий пілотаж, открытым текстом – відкритим текстом, давать зелёный свет – давати зелене світло* и т. п.). Терминологическая лексика интенсивно проникает в обиходно-разговорную речь, соответствующие лексемы становятся компонентами новых выражений (*глухо как в танке – глухо як у танку, как мёртвому термометр – як мертвому термометр, как зайцу «стопкран» – як зайцю «стопкран»*).

Всё вышеуказанное свидетельствует о том, что русские и украинские выражения во многом близки. Эта фразеологическая общность является отражением культурологической общности русского и украинского народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамец, И.В. Проблемы русской фразеологии / И.В. Абрамец. – М.: Наука, 1968. – 248 с.
2. Авксентьев, Л. Г. Сучасна українська мова. Фразеологія / Л. Г. Авксентьев. – Харків: Вища школа, 1988. – 134 с.
3. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
5. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла. / Н.Ф. Алефиренко. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. педагогического ун-та, 2000. – 220 с.
6. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2004. – 368 с.
7. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Эллис, 2008. – 272 с.
8. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград, 1993. – 234 с.
9. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика: в аспекте лингвистического постмодернизма / Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2008. – 344 с.
10. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
11. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – Астрахань, 2008. – 220 с.
12. Алефиренко, Н.Ф. Теоретические вопросы фразеологии / Н.Ф. Алефиренко. – Харьков, 1987. – 288 с.

- 13.Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / Н.Ф. Алефиренко. – М., 2004. – 344 с.
- 14.Альперин, А. Почему мы так говорим? / А. Альперин. – Барнаул: Издательство «Алтайское книжное издательство», 1956. – 248 с.
- 15.Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – 271 с.
- 16.Аракин, В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В.Д. Аракин. – М.: Высш. шк., 1989. – 258 с.
- 17.Арсеньтьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсеньтьева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 128 с.
- 18.Архангельский, В.Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства (На материале современного русского языка) / В.Л.Архангельский. – Тула, 1968. – 268 с.
- 19.Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л.Архангельский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 315 с.
- 20.Архангельська, А. М. Системні відношення компонентів ФО (на матеріалі рос. та укр. мов) / А.М. Архангельська. – К., 1994. – 288 с.
- 21.Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М., 1957. – 360 с.
- 22.Бабкин, А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1964. – 242 с.
- 23.Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.
- 24.Вакк, Ф. О. Соматическая фразеология эстонского языка. Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей / Ф. О. Вакк. – Баку, 1968. – 23 с.
- 25.Вайсбергер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсбергер. – М.: Наука, 1993. – 256 с.
- 26.Вартаньян, Э. Путешествие в слово / Э. Вартаньян. – М.: Просвещение,

2007. – 176 с.
- 27.Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Высш. шк., 1980. – 188 с.
- 28.Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Высш. шк., 1983. – 234 с.
- 29.Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 272 с.
- 30.Виноградов, В. В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов. – Л., 1946. – С. 45–47.
- 31.Виноградов, В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.
- 32.Влахов, С., Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Издательство БЕК, 1997 – 816 с.
- 33.Вомперский, В.П. Возвращение к истокам / В.П. Вомперский // Русская речь / В.П. Вомперский. – 1991.– №2. – С. 42–44.
- 34.Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения) / С.Г. Гаврин. – Пермь: Пермск. гос.пед.ин-т, 1974. – 146 с.
- 35.Гвоздарёв, Ю.А. Основы русского фразообразования / Ю.А. Гвоздарёв. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. – 262 с.
- 36.Гвоздарёв, Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка / Ю.А. Гвоздарёв. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1973. – 104 с.
- 37.Григораш, А. М. Структурный и семантически-стилистический анализ глагольной фразеологии русского языка (в сопоставлении с украинским) / А.М. Григораш. – К., 1984. – 236 с.
- 38.Григорьев, А.В. К вопросу об источниках библейских фразеологизмов / А.В. Григорьев // Филологические науки / А.В. Григорьев. – 2007. – №1. – С. 50–59.
- 39.Демский, М. Т. Украинские фраземы и особенности их создания / М.Т. Демский. – Львов: Просвещение, 1994. – 62 с.
40. Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматические преобразования

- фразеологизмов / Е.А. Добрыднева // Материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» / Е.А. Добрыднева. – Тула, 2000. – С. 237–239.
41. Добрыднева, Е.А. Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные сходства / Е.А. Добрыднева. – Волгоград, 1998. – 88с.
42. Дубровина, К. Н. Национально-специфические особенности русской библейской фразеологии / К. Н. Дубровина // Проблемы фразеологической и лексической семантики / К.Н. Дубровина. – Материалы Международной научной конференции, Кострома, 18–20 марта 2004 г. – Москва, 2004. – С. 62–65.
43. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – Великий Новгород, 1978. – 234 с.
44. Зорівчак, Р. П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія / Р.П.Зорівчак. – Львів: Вища шк., 1983. – 176 с.
45. Иванникова, Е.А. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами / Е.А. Иванникова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка / Е.А. Иванникова. – М.– Л., 1966. – 153 с.
46. Канка, Н. Е. Фразеологическое соответствие как отражение культурологической общности украинского и русского народов / Н.Е. Канка, Л.П. Кофанова // Донбасс и Приазовье. Проблемы / Н.Е. Канка. – Мариуполь, 1993. – С. 193–195.
47. Кобяков, Д.Ю. Приключения слов / Д.Ю. Кобяков. – М.: Дрофа, 2014. – 122 с.
48. Комарова, Е. В. Фразеологизмы, выражающие различные формы отношений к людям, в русском, болгарском и польском языках / Е. В. Комарова // Филологические науки / Е.В. Комарова. – 1994. – № 4. – С. 70–75.
49. Кононенко, В. І. Словесні символи в семантичній структурі фраземи / В.І. Кононенко // Мовознавство / В.І. Кононенко. – 1991. – № 6. – С. 30–

36.

50. Копыленко, М. М. О двух различных взглядах на предмет фразеологии / М.М. Копыленко // Вопросы фразеологии / М.М. Копыленко. – Ташкент, 1965. – 298 с.
51. Копыленко, М.Н. Очерки по общей фразеологии / М.Н.Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1972. – 144 с.
52. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М., 2003. – 348 с.
53. Кошарная, С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород, 2002. – 234 с.
54. Кузнецова, И.В. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими): автореферат дис. ... кандидата филологич. наук: 10.02.01;10.02.03 / И.В. Кузнецова // Санкт-Петербургский гос. ун-т / И.В. Кузнецова. – Санкт-Петербург, 1995. – 14 с.
55. Куліш, Ж. В. Проблема фразеологічної еквівалентності у перекладі на близькоспоріднену мову (на матеріалі рос. та укр. мов) / Ж.В. Куліш. – К., 1993. – 266 с.
56. Кунин, А.В. Английская фразеология: Теоретический курс / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1970. – 198 с.
57. Кунин, А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1964. – 202 с.
58. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин // 2-е изд., перераб. / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1996. – 266 с.
59. Ларин, Б.А. О народной фразеологии (Доклад на X Республиканском совещании по диалектологии, Институт языкознания им. Потебни в Киеве, прочитанный 12 мая 1959 г.) / Б. А. Ларин // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 149–162.

60. Левченко, О. П. Безеквівалентна російська і українська фразеологія / О.П. Левченко. – К., 1995. – 399 с.
61. Левченко, Е.П. Семантика безеквівалентных фразеологических единиц / Е.П. Левченко // Проблемы зіставної семантики. Матеріали республіканської наук. Конференції / Е.П. Левченко. – К–Черкаси, 1992. – С. 104–105.
62. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 148 с.
63. Лесная, Г. М. Этнолингвистическое мировосприятие украинцев (специфика фразеологии в сопоставлении с фразеологией русского и польского языков) / Г. М. Лесная // Третий межвузовский семинар по лингвострановедению. 8-9 июня 2005 г. МГИМО (У). Сб. статей в 2-х ч. Ч.1. Языки в аспекте лингвострановедения / Г.М. Лесная. – М.: МГИМО–Университет, 2006. – С.171–178.
64. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН-СЛЯ. – № 1. – 1993. – С. 3–9.
65. Манакин, В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К.: Знання, 2004. – 326 с.
66. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: «Академия», 2004. – 208 с.
67. Маслова, В. А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры / В. А. Маслова. – М., 1999. – 125 с.
68. Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: учеб. пособие по спецкурсу / А.М. Мелерович. – Ярославль, 1979. – 342 с.
69. Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И.А. Мельчук. – ВЯ. – 1960. – №4. – С 14–17.
70. Моисеев, А. И. К сопоставительному изучению славянских языков / А.И. Моисеев // В сб.: Очерки по словообразованию и словоупотреблению / А.И. Моисеев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. – С. 87.
71. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: историко-этимологические

- очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 464 с.
72. Мокиенко, В.М. О методологии сопоставительного исследования русской и немецкой фразеологии / В.М. Мокиенко. – М.: Флинта, 2002. – 128 с.
73. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. Учебное пособие для студентов / В.М. Мокиенко. – М., 1989. – 287 с.
74. Мокиенко, В. Русская фразеология для чехов / В. Мокиенко, Л. Степанова. – Olomouc, 1995. – 288 с.
75. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.
76. Мордвилко, А. П. Очерки по русской фразеологии. Именные и глагольные фразеологические обороты / А.П. Мордвилко. – М., 1964. – 234 с.
77. Мордкович, Э. М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов: Актуальные проблемы фразеологии / Э. М. Мордкович. – Новосибирск, 1971. – 245 с.
78. Наумова, И. О. О некоторых лексических и фразеологических фразеологизмах английского происхождения в русском языке / И. О. Наумова // Русский язык в школе / И.О. Наумова. – 2004 – № 1. – С. 89–91.
79. Нерознак, В.П. Метод сравнения в синхронном языкознании: К основаниям лингвистической компаративистики / В.П. Нерознак // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. / В.П. Нерознак. – М, 1986. – Т. 45. – № 5. – С. 158–172.
80. Никитина, Т.М. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии / Т.М. Никитина. – Псков, 1998. – 205 с.
81. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. С. 8–69.
82. Потебня, А. А. Слово и миф: Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.

- 83.Палевская, М.Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка 18 века / М.Ф. Палевская. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 366 с.
- 84.Панасенко, А. Склад і функціонування порівняльних фразеологізмів / А. Панасенко // Урок української / А. Панасенко. – 2005. – №5/6. – С. 25–26.
- 85.Попов, Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаическими значениями и формами слов / Р.Н. Попов. – М., 1976. – 212 с.
- 86.Райхштейн, А.Д. О сопоставлении фразеологических систем / А.Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе / А.Д. Райхштейн. – 1980. – № 4. – С 44–52.
- 87.Ройзензон, Л.И. Русская фразеология: Учебное пособие / Л.И. Ройзензон. – Самарканд: Изд-во Самарканд.ун-та, 1977. – 119 с.
88. Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О.О. Селіванова. – К. – Черкаси: Брама, 2004.
- 89.Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля–К, 2006. – 716 с.
- 90.Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Наука, 1993. – 248 с.
- 91.Скрипник, Л.Г. Фразеологія української мови / Л.Г. Скрипник. – К.: Наукова думка, 1983. – 280 с.
- 92.Смит Логан. Фразеология английского языка / Логан Смит. – Изд.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1959. – 206 с.
- 93.Служитель фразеологічної музи: Зб. наук. статей. – Луганськ: Альма матер, 2006. – 237 с.
- 94.Соловець, Л. О. Джерела фразеологізмів етнокультурного змісту / Л.О. Соловець // Українська література в ЗОШ / Л.О. Соловець. – 2004 – №8. – С. 52–56.
- 95.Солодуб, Ю. П. Перспективы многоязыковой сопоставительной фразеологии / Ю.П. Солодуб // Филологические науки / Ю.П. Солодуб. – 2001. – №2. – С. 48–57.

- 96.Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): Автореф. дис. докт. филолог, наук / Ю.П. Солодуб. – М., 1985. – 140 с.
- 97.Солодуха, Э.М. Теория фразеологического сближения / Э.М. Солодуха. – Казань: Из-во КГУ, 1989. – 288 с.
- 98.Сопоставительное исследование русского и украинского языков. – К.: Наук. думка, 1975. – 286 с.
- 99.Тагиев, М. Т. Глагольная фразеология современного русского язык / М.Т. Тагиев. – М., 1966. – 266 с.
- 100.Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / В. Н. Телия. – М.: 1988. – 324 с.
101. Телия, В.Н. Русская фразеология / В.Н. Телия. – М., 1995. – 285 с.
- 102.Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.,1996. – 516 с.
- 103.Телия, В.Н. Что такое фразеология? / В. Н. Телия. – М., 1966. – 85 с.
- 104.Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
- 105.Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Издательство "Индрик", 1995. – 512 с.
- 106.Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира / Е.В. Урысон. – М., 2003. – 223 с.
- 107.Уорф, Б. Наука и языкознание / Б. Уорф // Новое в лингвистике. Вып 1. / Б. Уорф. – М.: Наука, 1960. – С. 148–174.
- 108.Фархутдинова, Ф.Ф. Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях / Ф.Ф. Фархутдинова // Материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» / Ф.Ф. Фархутдинова. – Тула, 2000. – С. 100–102.

- 109.Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика / Р.М. Фрумкина. – М., 1992. – 246 с.
- 110.Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М., 1993. С. 41–63.
- 111.Шанский, Н. М. Русские национально-маркированные фразеологические обороты / Н.М. Шанский // РЯШ / Н.М. Шанский. – 1996. – №2. – С. 72–76.
- 112.Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 192 с.
- 113.Шахматов, А. А. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / А.А. Шахматов. – М., 1947. – С. 267–290.
- 114.Эмирова, А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии (опыт семантического анализа фразеологических единиц). / А. М. Эмирова. – Самарканд, 1972. – 96 с.
- 115.Юдин, А.В. Русская народная духовная культура: учеб. пособие для студентов вузов / А.В. Юдин. – М.: Высшая школа, 1999. – 333 с.
- 116.Яковлева, М.Н. Картина мира как исходный пункт формирования «герменевтической потребности» / М.Н. Яковлева, Д.И. Сергеев // Культурологические исследования 05: Сб. научн. тр. / М.Н. Яковлева, Д.И. Сергеев. – СПб.: Астерион, 2005. – С. 270–274.
- 117.Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
- 118.Ярцева, В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков / В.Н. Ярцева // Проблемы языкознания: докл. и сообщения совр. ученых на X Международном конгрессе лингвистов / В.Н. Ярцева. – М., 1967. – С. 287–295.
- 119.Ярцева, В.Н. Сопоставительно-контрастивная лингвистика в СССР: Итоги и перспективы развития / В.Н. Ярцева // Филологические науки / В.Н. Ярцева. – 1987. – № 5. – С. 124–140.
- 120.Ярцева, В.Н. Типология языков и проблема универсалий / В.Н. Ярцева //

Вопросы языкознания / В.Н. Ярцева. – 1976. – № 2. – С. 34-42.

121. Wells R. Archiving and language typology / R. Wells // International Journal of American Linguistics / R. Wells. – Indiana: University of Baltimore, 1954. – Vol. 20, – № 2. – P. 78–84.

СЛОВАРИ, СПРАВОЧНИКИ

1. Вырган, И.А. Русско-украинский словарь устойчивых выражений / И.А. Вырган, М.М. Пилинская // Под. ред. Н.Ф. Наконечного. – Харьков: Прапор, 2000. – 495 с.
2. Головащук, С. І. Російсько-український словник сталих словосполучень / С. І. Головащук. – К. : Наукова думка, 2001. – 640 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Наука, 1995. – 812 с.
4. Зубков, М. Новітній російсько-український, українсько-російський словник / М. Зубков. – Харків, 2003. – 432 с.
5. Лингвистический Энциклопедический словарь // Лингвистический Энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. – М.: «Советская Энциклопедия», 1990. – 860 с.
6. Максимов, С.В. Крылатые слова / С.В. Максимов. – М.: Изд. «Азбука», 2009. – 246 с.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ технология», 2007. – 944 с.
8. Олейник, И. С. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь / И. С. Олейник, М. М. Сидоренко. – Киев: Радянська школа, 1971. – 448 с.
9. Олійник, І. С. Українсько-російський фразеологічний тлумачний словник / І.С. Олійник, М.М. Сидоренко. – Х.: Прапор, 1997. – 462 с.
10. Олійник, І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник / І.С. Олійник, М.М. Сидоренко. – К.: Рад. школа, 1991. – 398 с.
11. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. / Под ред. В.М. Мокиенко. – М., 2005. – 458 с.

- 12.Сучасний тлумачний словник української мови / За заг. ред. В.В. Дубічинського. – Харків: Школа, 2006. – 1008 с.
- 13.Сучасний фразеологічний словник української мови / А.П. Ярошенко, В.І. Бездітко, О.В. Козир, Н.Г. Немировська. – Харків: ТОРСІНГ ПЛЮС, 2010. – 640 с.
- 14.Ужченко, Д. В. Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Луганськ: Альма матер, 2002. – 263 с.
- 15.Українсько-російський словник. Близько 65 тис. слів / Уклад. В. С. Ільїн та ін. – Вид. 2-е, стереотип. – К.: Наук. думка, 1971. – 1064 с.
- 16.Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
- 17.Фразеологічний словник української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. – К.: Наук. думка, 1999. – 984 с.
- 18.Фразеологічний словник української мови. / Під ред. Ю. Бойко, О.Дітель. – Київ, 1993. – 326 с.

Словарь фразеологических соответствий

Русские ФЕ

Украинские ФЕ

Полное соответствие

<i>бросить взгляд</i>	<i>кинути погляд</i>
<i>смотреть трезвыми глазами</i>	<i>дивитись тверезими очима</i>
<i>встать с левой ноги</i>	<i>встати лівою ногою (на ліву ногу)</i>
<i>ясная (светлая)</i>	<i>ясна голова</i>
<i>горячая голова</i>	<i>гаряча голова</i>
<i>валиться (падать) с ног</i>	<i>валитися з ніг</i>
<i>волосы дыбом встали</i>	<i>волосся дибки стали</i>
<i>голова варит</i>	<i>голова варить</i>
<i>орлиный нос</i>	<i>орлиний ніс</i>
<i>стоять во главе</i>	<i>стояти на чолі</i>
<i>нос к носу</i>	<i>носом до носа</i>
<i>жизнь на волоске</i>	<i>життя на волоску</i>
<i>золотые руки</i>	<i>золоті руки</i>
<i>крутить носом</i>	<i>крутити носом</i>
<i>искры из глаз посыпались</i>	<i>іскри з очей полетіли</i>
<i>как Бог даст</i>	<i>як Бог дасть</i>
<i>Господь с тобой</i>	<i>Господь з тобою</i>
<i>подвести под монастырь</i>	<i>підвести під монастир</i>
<i>сказка про белого бычка</i>	<i>казка про білого бичка</i>

перемывать косточки

перемивати кісточки

заморить червячка

заморити черв'яка (черв'ячка)

пёс (собака) на сене

собака на сіні

зари (завидки) берут

завидки беруть

моя изба (моя хата) с краю

моя хата з краю

без задних ног спать

спати без задніх ніг

пенки (сливки) снимают

зняти пінку, збирати вершки

копать кому-нибудь яму

копати яму

точить балясы (балы, лясы)

точити баляси (ляси)

из песку верёвки вить

з піску мотузки суче

не все дома

не всі дома

наговорить сорок бочек арестантов

наказати сорок бочок арестантів

набились как сельди в бочке

як оселедців у бочці

подложит свинью

підкласти (підсунути) свиню

как маслом намазано

як маслом намазане

на кудыкину гору

на кудикину гору

как в воду глядеть

як у воду глянути

ни рыба ни мясо

ні риба ні м'ясо

забор городить

забор городити

хоть коней паси

хоч коней паси

заливаться соловьем

заливатися солов'єм

гонять чай

чаї ганяти

пожалел волк кобылу

пожалів вовк кобилу

<i>пьяному море по колено</i>	<i>море по коліно (по коліна)</i>
<i>пиши пропало</i>	<i>пиши пропало</i>
<i>моя хата с краю</i>	<i>(моя) хата з краю</i>
<i>старый (стреляный) воробей</i>	<i>старий (стріляний) горобець</i>
<i>чудеса в решете</i>	<i>чудеса в решеті</i>
<i>гоняться за двумя зайцами</i>	<i>ганятися за двома (чотирма) зайцями,</i>
<i>убить двух зайцев</i>	<i>вбити двох зайців</i>
<i>за двумя зайцами</i>	<i>за двома зайцями</i>
<i>типун (тебе) на язык</i>	<i>тіпун (типун) (би) (тобі) на язык</i>
<i>быть начеку</i>	<i>бути напоготові</i>
<i>быть настороже</i>	<i>бути насторожі</i>
<i>коровам хвосты крутить</i>	<i>коровам хвосты крутити</i>
<i>сыграть свадьбу</i>	<i>справляти (справити, відбути) весілля</i>
<i>котелок (не) варит</i>	<i>казанок (не) варить</i>
<i>танцевать от печки</i>	<i>танцювати від печі</i>

Частичные соответствия, варианты фразем

<i>поднимать (задирать) нос</i>	<i>гнути (дерти, задирати) кирпу (ніс)</i>
<i>вешать нос, вешать нос на квинту</i>	<i>вішати (хнюпити) носа (ніс)</i>
<i>сам черт ногу сломит</i>	<i>[Сам] чорт спіткнеться (ногу зламає) на чому, де</i>
<i>скалить зубы</i>	<i>гострити зуби</i>
<i>до седых волос</i>	<i>до коренів волосся</i>
<i>класть зубы на полку</i>	<i>класти зуби на мисник</i>

<i>быть под каблуком</i>	<i>бути під чоботом</i>
<i>сам себе хозяин</i>	<i>сам собі пан</i>
<i>отложитъ в долгий ящик</i>	<i>відкласти в довгий ящик (у довгу шухляду)</i>
<i>сбрасывать со счёта</i>	<i>скидувати з рахунків</i>
<i>по Сеньке (по Стеньке) и шапка</i>	<i>по синку шапка по Савці свитка по пану шапка</i>
<i>бабушка надвое сказала</i>	<i>баба (бабка, бабуся) надвое ворожила</i>
<i>как у Бога (у Христа) за пазухой, как у Бога за рамкой</i>	<i>як у Бога за пазухою (за дверми, за плечима, за надром, за кроснами); як у Бога під покрывкою; як у Христа за пазухою</i>
<i>мозги набекрень</i>	<i>мозок шкереберть</i>
<i>увидеть воочию</i>	<i>побачити на власні очі</i>
<i>уйти восвояси</i>	<i>іти (уйти) додому</i>
<i>нашему (соседскому) забору двоюродный плетень седьмая вода на киселе троюродной тетки двоюродный племянник</i>	<i>троюрідної тітки двоюрідний племінник сьома вода на киселі нашому забору двоюрідний плетінь нашому забору сусідній тин нашому забору сусідній перелаз</i>

Эквиваленты

<i>выбивать почву из-под ног</i>	<i>кидати до ніг</i>
<i>положа руку на сердце строить глазки</i>	<i>щиро кажучи бісики пускати</i>
<i>мели, Емеля, твоя неделя</i>	<i>не до жиру, будь би живу</i>
<i>очертя голову</i>	<i>на відчай душі</i>
<i>ободрать (обобрать, обчистить,</i>	<i>оббілувати (обідрати, обчистити), як</i>

облупить) как липку

*перста в рот не суй,
пальца в рот не клади
светы с глаз посыплются,
искры из глаз посыпятся*

*быть на чьей-либо холке,
сидеть (быть) на чьей-либо шее*

*в капусте нашли
в магазине купили
аист принес*

*выменять шило на мыло,
выменять (променять) кукушку
(какушку) на ястребца,
променял быка на индыка,
поменял валенок на галошу*

*ни тпру ни ну
ни в сноп ни в горсть
ни пришей кобыле хвост
ни пришей ни пристегни
ни прясть, ни ткать, ни вязьё вязать
трём свиньям корму не разделить*

*лежать на печи (на боку)
за печью сидеть
сидеть за печью в золе
на печке сидел, кирпичам молился
сидит как гость
сидеть поджав руки
сидеть сложа руки
руки (ручки) сложить
сидеть рука на руке
сидеть богородицей
лежи на боку да гляди за Оку лежать
лѣжкой*

білочку (білку)

пальці у рот не клади

*аж іскри з очей посипалися,
аж в очах заіскрилося,
аж зірниці засвітили,
аж каганці в очах засвітилися*

сидіти на шиї (у когось)

*підкинули в лікарні
знайшли в гарбузах (в городі, у
капусті)
журавель (на крилах) приніс
із кісточок у сливах (взяли)
з груші струсили
котик приніс
лелека принесла*

*проміняв вовки на собаки
виміняв ремінець на личко*

*ні до холодної води
і кішці (і коту) хвоста не завяже
собаці хвоста не завяже
ні швець ні мнець*

*сидить як засватаний
сидить сиднем;
посиденьки (лежни) справляти
боки вилежавши*

за солнцем лежать
затылком наволочки стирать стоят
руки в боки, глаза в потолки
стоять фертом
стоять с разинутым ртом (развесив
уши)
ковырять в носу

носить воду решетом
толочь воду в ступе
искать вчерашний день
гонять ветер
коптит небо
считает ворон
ловить галок
гонять собак

слоняться из угла в угол
слоны слонять
слоны продавать
гранить мостовую
состоят в комитете по
утаптыванию мостовой
шаты продавать
болтаться по загольям

наскажешь воробья на сосне
наскажешь семь верст до небес и все
лесом

наговорить (наврать) с три короба
насулил с три короба
наврал, что в три короба не сложишь

попасть в переплёт

не было печали

чем черт не шутит

от ворот поворот

попасть как кур во щи

товкти воду в ступі
ловити вітрів
шукати вітра в полі
горобців (ворон, граків, гав) лічити
горобцям дулі давати (крутити) турів
ганяти
ханьки мяти

походенькі (швенді) справляти
тинятися з кутка в куток

наскажеш четвергів з п'ятницями

наговорити (набалакати, намолоти,
наплести) сім кіп
наговорити три мішки гречаної вовни
та чотири копи гречки
ускочити вище халев
попасти в халеу (в клопіт, в біду)
не мала баба клопоту

чого на світі не буває

завертай голоблі
давати (підносити) (печеного) гарбуза
дати відкоша

упасти (ускочити) в біду як курка в
борці

	<i>улізти як півень у юшку заліз як муха в патоку (в сметану)</i>
<i>оставаться втуне</i>	<i>залишати (лишати) без уваги</i>
<i>идти (пойти) насмарку сходить (сойти) на нет</i>	<i>сходити (зійти) нанівець</i>
<i>попасть впросак</i>	<i>пошитися в дурні ускочити в клопіт сорому набратися</i>
<i>сбоку припека (припеку) пятое колесо в телеге</i>	<i>п'яте колесо до воза</i>
<i>дни сочтены не жилец на этом (белом) свете на ладан дышать</i>	<i>три чисниці до смерті недовго ряст топтати на ладан дихати</i>
<i>выкинуть (отколоть) коленце выкинуть (отмочить) шутку выкинуть номер</i>	<i>викидати колінця, устругнути (утнути, стругнути) шутку викинути (викидати) коника (коники)</i>
<i>на один покрой, на один пошиб на одну колодку не лаптем щи хлебать</i>	<i>на один штиб на один копил не в тім 'я битий</i>
<i>лыка не вяжет</i>	<i>язика (язиком) не поверне</i>
<i>видно (видать, узнавать) птицу по полету играть в бирюльки</i>	<i>видно (знати, пізнати) пана по халявах бавитися дурницями (дурницею) займатися дурницею, гаяти (марнувати) час</i>
<i>бобы разводитъ</i>	<i>теревені правити (розводити, точити) баляндраси правити (торочити) баляси (ляси) точити</i>
<i>во всю Ивановскую звонить во всю Ивановскую кричатъ во всю Ивановскую</i>	<i>на все горло (на всю горлянку) кричати (співати) горлати на все горло</i>

<i>Казанская сирота</i>	<i>святий та божий</i>
<i>коломенская верста</i>	<i>верства келебердянська, пирятинська, чугуївська</i>
<i>ума палата</i>	<i>макітра розуму</i>
<i>черная кошка пробежала (проскочила) между кем-либо</i>	<i>розбити; побити глек</i>
<i>не к вам барабан, так и не пляшите</i>	<i>нате і мій глек на капусту</i>
<i>до чертиков, в стельку</i>	<i>ні рак, ні жаба</i>
<i>как кот наплакал с гулькин нос</i>	<i>із (на) жаб'ячий скік</i>
<i>стрелянный (обстрелянный, старый) воробей (волк, птица), травленный волк, тертый калач)</i>	<i>битий жук</i>
<i>голова соломой набита ветер в голове бродит каша в голове солома в голове без царя в голове</i>	<i>жуки в голові</i>
<i>пустить козла в огород</i>	<i>пустити жука</i>
<i>птица высокого полета важная птица</i>	<i>велика риба велике цабе</i>
<i>проще пареной репы</i>	<i>простіше простого</i>
<i>в долгах как в шелках</i>	<i>у реп'яхах, як у боргах</i>
<i>пристал как банный лист</i>	<i>(пристав) як реп'ях (до кожуха)</i>